
Дожить до короны
Наследница Альсера.
Никому не верь.
Том 1

Кристина Сенар

Дожить до короны. Наследница Альсера. Том 1

«Автор»
2026

Сенар К.

Дожить до короны. Наследница Альсера. Том 1 / К. Сенар — «Автор», 2026

У Альсера есть принцесса, которую знают все. Вот только настоящая наследница престола — я.Уже год я скрываюсь в магической академии под чужим именем. Никто не должен узнать, кто я. Но однажды утром приходит письмо: мои родители, король и королева, убиты.Теперь сильнейшие маги королевства исчезают один за другим. Мои друзья ищут пропавших близких, новый ректор задаёт слишком много вопросов, а я пытаюсь выяснить, кто стоит за убийством моей семьи.До короны осталось три года.Вот только доживу ли я до неё?

© Сенар К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 21
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 30
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Кристина Сенар
Дожить до короны.
Наследница Альсера. Том 1

Глава 1

Альсер был и королевством, и столицей. Город стоял на большой реке. В эти дни во дворце правили король Эдмар Ренн и королева Альна. Сила старых домов считалась там таким же наследством, как земля: не книга заклинаний и не ремесло, которому можно выучиться с улицы. Она сидела в теле, чаще всего в руках. У кого в роду её не было, тот мог быть богат и всё равно не зажигал даже свечи. У кого она была, тот не имел права вести дом, пока не научится её держать. Иначе сила жгла своих. Для этого и держали академию. Четыре года. Без отметки об окончании корона не пускала человека к власти, даже если ему исполнялось двадцать пять и за ним стоял весь род.

Академию вынесли из столицы в Ильт, на несколько дней пути. Речной город, нижние улицы у воды, корпуса на холме, вечная сырость в камне. Сюда отдавали детей домов, в которых сила ещё не погасла. На первом курсе у всех было одно упражнение: маленький огонь в глиняной чаше. Не потому, что магия Альсера кончалась огнём. Огонь не умел лгать. Криво посадил руку — глина чернела и начинала тонко петь. Со второго курса тех, кому доверяли, переводили дальше и давали силе другие формы. Остальных оставляли на общей зале.

Кого переведут, писали мелом на доске во дворе, за неделю до разъезда. Список назывался кругом удержания. Имя попадало туда только с бумагой от старшего родственника. Бумагу не несли мастеру. Её клали до вторника на длинный стол в канцелярии у речных ворот. В этом году стол держали двое. Несса Вар записывала. Эйтан Рош смотрел, какой лист долежал до утра. Чего на столе не оказывалось, того для круга не существовало.

Доску повесили раньше звонка, пока двор был ещё мокрый. Сана пришла не первой. У доски уже стояла Несса, в плаще без единой тёмной капли, и водила пальцем по столбцу так, будто проверяла чужую работу, а не свою.

Ида догнала Сану на последней ступени и с ходу сунула ей тёплую корку.

— Левая сторона подгорела, правую ешь. Ну, мы там?

Сана посмотрела на имена. Её не было. Иды тоже. В столбце стояли Вар, Рош, Таль, Кель и ещё несколько домов, которые оказывались в этом списке каждый год.

— Нет.

— Как нет. Мать отправила бумагу в понедельник. Я сама относила на нижнюю почту, мне сказали: положат на стол допуска.

— На доске нас нет.

Ида замолчала на полушаге. Потом всё-таки пошла к доске, уже медленнее, и встала не рядом с Нессой, а на ладонь дальше, чем требовалось. Сана осталась у неё за плечом. Отсюда было видно и двор, и дверь в корпус. Так она вставала везде, даже если никто не учил этому при людях.

Несса не обернулась сразу. Дала им дочитать. Утро было холодное для конца весны, изо рта шёл пар, и Несса, казалось, не тратила его на лишние слова.

— Сель опоздали на сутки, — сказала она наконец. — Круг не пересматривает опоздавшее.

— Бумага ушла вовремя, — сказала Ида. Голос у неё сделался быстрее. — В понедельник. Я спросила приёмщика, он записал номер. Её должны были положить на ваш стол.

— Во вторник утром на столе её не было. Значит, поздно. Морн в этом году вообще некого сажать за этот стол с подписью. Ваша тётка, кажется, не выезжает из имения.

— Не выезжает, — сказала Сана.

— Тогда и ты не входишь. Без подписи старшего лист не принимают. Это не я придумала.

Это было сказано без повышения. Несса наконец посмотрела на них. Красивое лицо, если искать красоту в правильности: всё на месте и ничего нельзя запомнить отдельно. Она не улыбалась. Ей не нужно было выглядеть злой, чтобы сделать больно. Правило и так стояло на её стороне, а если правило кто-то чуть подвинул, доказывать это пришлось бы не ей.

Ида открыла рот. Сана коснулась её запястья — коротко, чтобы никто со стороны не прочитал это как просьбу.

— Хорошо, — сказала Сана.

Несса моргнула. Она ждала другого слова.

Со скамейки у стены поднялся Эйтан Рош. Он был здесь всё время, просто не считал нужным стоять у доски: люди сами приносили ему новости, если подождать. Дом Рош шил плащи так, чтобы даже после дождя казалось, будто дождь шёл кому-то другому. Эйтан посмотрел на Иду, не на Сану.

— Не надо так смотреть, Сель. Осенью мать пришлёт снова. Матери любят второй шанс.

— Она прислала вовремя.

—На столе допуска её не было. Я сидел за ним со вторника. Пустое место я умею видеть.

Он сказал это почти сонно. Ида покраснела не от стыда, от злости, и от этого стала казаться младше, хотя им было по двадцать два и младших здесь не держали. Сана видела, как Ида считает. Почта, номер на квитке, длинный стол у речных ворот, Несса, которая читает правило вслух. Считать было нечего. Стол стоял не в их канцелярии.

— Идём, — сказала Сана.

— Они же просто…

— Идём.

Ида пошла. На ступенях её всё-таки прорвало, уже вполголоса, чтобы двор не получил второй сцены.

— Она лжёт. Или он лжёт. Номер у меня в тетради, я могу поднять приёмщика, он не из их дома, ему незачем.

— Незачем было и терять бумагу. Потерял.

— Сана.

— Если ты сейчас вернёшься, Несса получит то, за чем стояла. Кричащую Сель и Морн, которая не умеет проиграть тихо. К осени это будут помнить лучше, чем бумагу.

Ида сжала корку так, что посыпались крошки.

— Тебе легко говорить «тихо».

— Нет.

Они дошли до боковой галереи. Здесь пахло мокрым камнем и вчерашним дымом из общей залы. Ида остановилась, посмотрела на свою руку с крошками и вдруг коротко, невесело засмеялась.

— Я сейчас похожа на человека, который дерётся за кружок вышивания.

— За круг удержания.

— Ещё хуже. Звучит как болезнь.

Сана всё-таки взяла корку. Правая сторона и правда была съедобной. Она доела до конца, хотя есть не хотела: недоеденное потом весь день напоминало о себе, а напоминаний и без корки хватало.

— Мать расстроится, — сказала Ида уже тише. — Она писала, что приедет за мной в день разъезда. Хотела увидеть, как меня впишут. Я ей сказала, что впишут.

— Напиши, что список вывесят повторно.

— Это ложь.

— Это одна неделя. Через неделю она приедет и сама увидит, что нас нет. Неделю можно не делать ей хуже.

Ида посмотрела на неё внимательно. У Иды было лицо человека, который любит быстро и от этого иногда видит слишком много. Чернильное пятно сидело у неё на среднем пальце с зимы, она его уже не оттирала.

— Ты так говоришь, будто кого-то всё время бережёшь от лишней строки.

Сана стряхнула крошки.

— Идём на общую. Нас из неё пока не выставили.

Общая практика пахла горячей глиной. Длинный зал делился не стеной, а верёвкой: по ту сторону отрабатывали те, кто утром нашёл себя на доске, по эту — все остальные. Верёвка была старая, провисшая, её никто не сторожил. Сторожил сам вид. Старшие стояли свободнее, чаши у них были тоньше, и мастер Лин обращался к ним по домам, а к остальным чаще по ошибкам.

Сана взяла чашу с краю, с толстым дном, уже в мелких трещинах. Так она делала весь год. Тонкая чаша прощала меньше, а ей нужно было, чтобы ошибки выглядели обычными.

— Морн, — сказал мастер Лин, проходя. — Сегодня без сажи. Конец года, на тебя и так никто не смотрит, не надо помогать им в этом.

— Слушаюсь.

Ида фыркнула в кулак. Мастер уже ушёл к Лёту, долговязому студенту с края, который боялся собственного огня и от страха делал его слишком большим. Лёт каждый месяц обещал матери забрать его домой, если практика не станет лучше. Сана слышала это в умывальне. Она не вмешивалась. Чужие матери были опасной территорией: начнёшь жалеть — ошибёшься в количестве жалости.

Она поставила ладонь над чашей и вызвала огонь меньше, чем могла. Маленький, жёлтый, чуть голодный. На счёт десять дала ему лизнуть глину. Пошла лёгкая сажа, ровно такая, за которую ругают и забывают. Ида рядом держала свой огонь чисто, почти без дыма, и кусала губу от старания. Ей было что доказывать. Сане было что спрятать.

Год она так и жила. Сила поднималась легко, по-родственному, как только её звали. Сана не звала. Она выпускала крошку и остальное держала в запястье, там, где в детстве, на уроке, который никто в Ильте не видел, огонь прошёл слишком близко и оставил тонкий светлый след. След белел, когда она держала много. Поэтому рукав она не закатывала.

По ту сторону верёвки Несса вела огонь ровно, как по линейке. Эйтан не смотрел на свою чашу. Он смотрел, кто смотрит на него. Илан Таль стоял через два места от Нессы и работал хорошо, без блеска. Несколько раз он поднимал глаза на их половину зала. Сана не поднимала своих.

— Сто, — сказал мастер Лин. — И чтобы глина не пела.

Глина пела, если огонь шёл криво: тонкий звук, от которого ныли зубы. Ида довела почти до ста. Сана нарочно пустила сажу на сороковом и услышала, как мастер цокнул языком, уже не останавливаясь. Так ей и надо было.

Лёт вскрикнул на шестидесятом.

Его огонь не погас. Он рванулся вбок, по верёвке, и толстая чаша, слишком тяжёлая для такого жара, пошла юзом по столу. Ида стояла как раз там, где стол кончался. Она успела убрать локти и не успела убрать кисть.

Сана не решила. Рука решила раньше.

Правая ладонь вышла вперёд, не к своей чаше. Между Лётом и Идой воздух на миг стал плотным, как стекло, которое ещё не видно. Чаша ударилась об это стекло, коротко, неправильно, и упала раньше края стола. Глина лопнула. Осколок всё равно достал Иду. Кровь выступила у основания большого пальца быстро и ярко.

Сана убила собственный жест так же быстро.

Огонь в её чаше она довела до сажи нарочно, грубо, чтобы мастер, обернувшись, увидел неловкую Морн, а не стену, которой не было в программе первого курса. След на запястье вспыхнул белым. Она втянула руку в рукав раньше, чем ткань успела показать кожу.

— Лёт! — рявкнул мастер Лин. — Погаси, не маши! Сель, руку на свет. Кто ещё целый? Морн, у тебя опять сажа, я же сказал человеческим языком.

— Виновата.

Голос сел как надо: виноватый, небольшой. В ушах стучало. Сила не хотела обратно. Она стояла у кожи и искала, куда деться, раз её уже позвали. Сана считала выдохи. На четвёртом стало тише. На седьмом запястье перестало гореть. Она не была уверена, что это победа, а не отсрочка.

Ида шипела сквозь зубы и улыбалась мастеру так, будто порез был удачной шуткой.

— Царапина. Можно я додержать счёт?

— Можно тебе идти мыть руку и не капать на глину. Лёт, останешься и соберёшь. Остальные — погасить. На сегодня довольно.

По ту сторону верёвки работа остановилась не сразу. Несса довела свой огонь до ровного конца и только потом потушила. Эйтан смотрел на пол, где лежали осколки не там, где им полагалось лежать, если чаша просто съехала. Он не сказал ничего. Это было хуже реплики.

Илан сделал шаг к верёвке и остановился, потому что мастер уже махнул младшей половине на выход. Сана не посмотрела, ждёт ли он ещё.

В умывальне Ида сама сунула руку под ковш.

— Не надо делать лицо, — сказала она. — Режется бумага глубже.

Сана оторвала подкладку от собственного рукава. Подкладка была чистая: платье она держала в порядке, потому что бедная Морн не могла позволить себе ещё и неряшливость. Богатым неряшливость прощали.

— Дай.

Ида дала. Пока Сана затягивала полоску, Ида смотрела не на порез, а на правый рукав, уже опущенный.

— Чаша упала раньше стола, — сказала она. Не вопросом. Потом всё-таки вопросом, тише: — Сана, она ведь упала раньше?

— Не начинай.

— Я видела.

— Ты видела, как Лёт испугался. Огонь прыгнул. Глина битая. Тебе так и расскажут к ужину, и это будет правда, её хватит.

Ида помолчала. Второй раз она не спросила.

— Больно?

— Щиплет. — Ида пошевелила пальцем и сморщилась. — Матери не пиши про кровь. Она решает, что меня здесь режут старшие дома, и приезжает с родовым голосом. Мне хватит её в день разъезда.

— Не напишу.

— Ты и так никому не пишешь.

Это было почти правда. Письма, которые имели значение, уходили не из Ильта и не в тот день, когда хотелось. Сана затянула узел ещё на четверть и пошла к двери раньше, чем Ида успела сказать следующую точную вещь.

Илан ждал не у умывальни — он был достаточно умён, чтобы это не походило на засаду, — а у выхода во двор, с книгой, которую она не просила. Дождь снова начал крапать. Студенты обтекали его, кто-то кивал: Таль был из тех, кому кивают заранее.

— Сана. Можно на два слова, без зала.

Ида остановилась было. Сана покачала головой, и Ида, к чести своей, не стала изображать, что ей надо завязать уже завязанную повязку. Она ушла к жилому корпусу, один раз обернувшись.

Илан не подошёл вплотную. Ему хватило половины шага сверх того, где Сане было удобно. От него пахло дождём и дорогой шерстью, не духами. Он улыбнулся так, как улыбаются люди, которым улыбка почти всегда помогала.

— Я видел доску.

— Её все видели.

— Таль может подписать вместо твоей тётки. Одна строка. Я написал отцу ещё вчера, пока Несса разбирала бумаги на столе допуска. Если письмо уйдёт сегодня, к повторному списку подпись будет здесь. Тебе не нужно ни о чём просить при всех.

Он сказал это бережно. В бережности и было худшее: он уже сделал, и теперь её отказ выглядел бы ломанием чужой доброты, а не отказом от вещи, которую она не брала.

Сана посмотрела на книгу в его руке. Старый справочник по глинам. Она брала такой в общей зале три недели назад и вернула. Он запомнил не чашу. Он запомнил, что она выбирала.

— Я не просила.

— Я знаю. Поэтому это не долг.

— Долг — это когда человек не может отдать обратно. Мне нечем отдавать дому Таль.

Улыбка у него дрогнула и удержалась.

— Я не дом. Я просто стою здесь.

— Тем более не надо писать отцу.

Дождь сел ему на ресницы. Он не отступил. За его плечом, у доски, Несса говорила с двумя младшими Келями и даже не смотрела в их сторону, что означало: она видит всё, просто не тратит взгляд.

— Ты каждый раз говоришь так, будто я пришёл забрать, — сказал Илан. — Я могу подождать, пока ты сама поймёшь, что от помощи никто не становится меньше.

— Не надо ждать.

— Я не тороплюсь.

Он всё-таки протянул справочник. Сана не взяла. Рука осталась в воздухе чуть дольше, чем ему, наверное, хотелось. Потом он опустил книгу и кивнул, вежливо, без обиды напоказ. Обида была. Он убрал её так же старательно, как следил за расстоянием.

— Порез у Иды пустяк, — сказал он напоследок. — Я рад, что чаша упала не ей в лицо. Передай, если она спросит. Или не передавай. Как скажешь.

Он ушёл к своим. Сана стояла, пока его спина не смешалась с плащами у галереи. «Я не просила» всё ещё висело между ними, и она уже знала, что он сохранит эту фразу. Такие, как Илан, хранят чужие короткие слова, чтобы потом вернуть их тебе как доказательство близости. Выбрасывать фразы при нём было опасно. Молчать — тоже. Она выбрала меньшее.

К полудню дождь кончился и оставил двор блестящим. Общая практика расходилась по комнатам сушиться. Сана как раз перевязала узел на рукаве внутренней ниткой, чтобы подкладка не висела бахромой, когда над двором прошёл не звонок, а голос мастера Лина, тот, которым останавливают строй, а не начинают урок.

— Старшим домам стоять. Остальным не толпиться у корпуса. Ректор идёт принимать крыло.

Последнее слово он сказал так, будто крыло было бочкой, которую надо принять по описи.

Роэн Кель вошёл со стороны речных ворот, не из парадного хода. Сана поняла, что это он, раньше, чем увидела лицо: двор переменил расстояние. Люди стали занимать меньше места. Даже Несса, говорившая у доски, закрыла рот не докончив.

Он был моложе, чем ректору полагается по чужим разговорам, и одет дороже, чем сам замечал. Подол плаща, хорошей кельской шерсти, уже взял грязь Ильта. Седая прядь у виска была ранняя и не спрятанная. Он нёс ключи сам, на простом кольце, и слушал мастера Лина, который семенил рядом и пытался успеть за его шагом.

Сана стояла у колонны, спиной к камню. Рука в рукаве была спокойна. Она смотрела, потому что смотрели все, и не смотреть было бы отдельным поступком.

Роэн Кель кивнул на доску, не подходя к ней.

— Это допуск круга? Оставьте до вечера. Я прочту имена после описи, не вместо.

Голос у него был обычный, без ректорской меди. Он называл вещи и шёл дальше. Взгляд прошёл по двору так, как проверяют, не течёт ли крыша: лица, окна, мокрые камни, снова мастер. Взгляд прошёл и по Сане. Не задержался. Ей на миг стало жарко от облегчения, и она рассердилась на жар. Радоваться, что тебя не увидели, — дурная привычка. Необходимая, но дурная.

Эйтан, оказавшийся ближе, чем ей хотелось, сказал негромко, для Нессы, но двор был тихий:

— Прежний хотя бы знал, на каких домах это место стоит.

Несса не ответила. Она смотрела на ключи в руке Роэна так, будто прикидывала вес двери, которую ими отпирают. Старое крыло пустовало с зимы. Прежний ректор уехал лечиться, так сказали на собрании, и с тех пор из его окон не выносили даже белья. Сана не любила пустые комнаты, где вещи ещё помнят хозяина. Сегодня это была не её забота.

Роэн остановился у двери крыла. Мастер протянул было руку за ключами. Ректор покачал головой, отпер сам и вошёл первым. Дверь закрылась. Двор выдохнул не сразу, кусками, кто где стоял.

— Пойдём, — сказала Ида, возникнув у локтя. Она умела возникать. — Пока кто-нибудь не решил, что нам надо ещё и его проводить глазами.

— Ты слышала Эйтана.

— Слышала. И про мою мать, которая путает даты. Я ей всё-таки напишу, что список задержали из-за нового ректора. Пусть злится на Келя, не на себя.

— Это уже две лжи.

— Вторая добрее. — Ида покосилась на её рукав. — Рука цела?

— Цела.

— Тогда идём есть. Лёт наверняка уже рассказывает, что чуть не сжёг зал. Хочу быть там раньше, чем мы станем теми, кого он спас.

Обед прошёл шумно и без них в центре. Так бывало чаще всего, и Сана берегла это место: край стола, стена за спиной, Ида напротив, миска, которую можно доесть без разговоров. Несса сидела с Вар и двумя гостями из города, смеялась редко и по делу. Эйтан выбирал, кому налить, будто кувшин был ещё одним списком. Илан один раз посмотрел на Сану поверх кубка. Она доела хлеб и не отвернулась нарочно. Просто кубок был не тем, на что ей нужно было отвечать.

После обеда Ида ушла писать матери. Сана вернулась в комнату, маленькую, на двоих с пустой второй кроватью: сожительницу забрали зимой, дом решил, что Ильт дочери не впрок, и новую не подселили. Пустая кровать служила для платья и для того, чтобы дверь была видна, когда лежишь. Сана не переставляла её даже ради удобства.

Она села на свою, спиной в угол, и только тогда закатала рукав.

След был бледный, почти как всегда. Не белый. Кожа вокруг горячая. Она подержала запястье под холодной водой из кувшина, пока жар не ушёл, и вытерла так, будто мыла чернила, а не улику. В зеркале над тазом была Сана Морн: тёмные волосы собраны теснее, чем носят в Альсере, лицо, которое люди описывают плохо, потому что она не оставляет им за что зацепиться. Ей потребовался год, чтобы это лицо стало отзываться на чужое имя сразу, без той четверти вздоха, которой учат во дворце.

Лирен Ренн оставалась на портретах. Портреты писали уже не с неё. Сана подумала об Оре без тепла и без злости, как о сроке в расписании. Ора выйдет, если в столице будут закрывать год принародно, и ей кивнут как наследнице. Так решили отец и мать, пока сами сидели на троне: двору показывают одну девочку, в Ильт уезжает другая. Ора была согласна. Тарн, младший брат отца, только следил, чтобы это согласие не стало клеткой хуже уговорённой. Он не правил. Генерал, не король. Сане этого хватало. Дядю она не проверяла. Прочность была с детства, вместе с привычкой сидеть так, чтобы дверь была видна, и с его голосом, который становился тише, когда он злился. Год не высовываться просили родители. Тарн лишь повторял их условие в письмах, которые приходили в срок и ни о чём лишнем. Год можно было не высовываться.

Она опустила рукав.

Чай в кружке остыл, пока она мыла запястье. Сана выпила его до дна. Холодный, с привкусом металла от кувшина. За окном снова собрался дождь, мелкий, ильтский, от которого не укрываются, а просто быстрее ходят.

На столе лежало письмо тётки Морн, пришедшее утром и оставленное непрочитанным нарочно: сначала доска, потом всё остальное. Тётка писала редко и всегда так, будто письмо могут читать вслух при чужих. Сана сломала печать.

«Сана. Надеюсь, ты здорова и не даёшь поводов. Деньги на лето прежние. Лишнего не проси и сама не предлагай услуг старшим домам: услуга потом приходит счётом. Если круг тебя не возьмёт, ничего страшного. Морн умеют ждать. Тётка.»

Ни привета, ни лишнего имени. Хорошее письмо. Его можно было оставить на столе, если войдёт служанка. Сана перечитала про круг и криво усмехнулась в пустую комнату. Тётка не знала, что круг уже решил. Или знала заранее. С Морн, которые живут у самого края чужой тайны, никогда нельзя было сказать точно, где осторожность, а где им просто всё равно.

Она написала ответ на четверти листа.

«Тётка. Я здорова. Круг в этом году без меня. Лишнего не прошу. Сана Морн.»

Песок. Запечатала дешёвым перстнем, тем самым, который узнавала нижняя почта. Она не дописала «передай, что я слушаюсь». Родители и так это знали. Писать Тарну вне срока было способом сделать из обычной недели заметную.

Под вечер Ида заглянула, уже в сухом платье, с завязанной аккуратнее повязкой.

— Отправила. Написала, что новый ректор переносит списки. Это даже может оказаться правдой, он же сказал «прочту после описи».

— Сказал.

— Ты сидишь в углу, как будто угол тебе должен денег.

— Он никому ничего не должен. — Сана кивнула на чайник. — Есть ещё. Тёплый, если не ждать.

Ида налила, подула и спросила то, что держала с умывальни:

— Если бы чаша дошла, мне бы снесло не палец. Ты это понимаешь.

— Понимаю.

— И всё равно «не начинай».

— Да.

Ида покрутила кружку.

— Ладно. Не начинаю. Но если Лёт завтра скажет, что его огонь кто-то ударил о воздух, я буду зевать. А ты не делай лицо человека, который в первый раз слышит про воздух.

— Договорились.

Они допили. За окном ударили к вечернему построению, лениво: конец года, даже колокол звучал так, будто его просили не усердствовать. Ида ушла к себе дописывать матери приписку, «чтобы та не привезла пирогов на весь курс». Сана погасила лампу не сразу.

Она стояла у окна. Во дворе, под навесом, доска темнела от новой влаги. Имена на ней уже нельзя было прочесть, но она помнила столбец наизусть. Её там не было. Иды не было. Завтра можно будет подойти ещё раз, когда Несса уйдёт на старший разбор, и ничего не изменится. Неделя до разъезда. Потом лето у тётки, тихие комнаты, никакой силы даже в виде сажи, и осень, в которую Ида опять привезёт бумагу.

У двери крыла, куда ушёл ректор, свет горел в одном окне. Сана смотрела на это окно, пока не убедилась, что смотрит просто так: человек, который не выделил её среди мокрых камней, не становился от этого её делом. Ключи, пустые комнаты, седая прядь, грязный подол. Чужой список забот.

Она задёрнула занавесь.

Перед сном проверила узел на рукаве и повязку, которую оставила Иде запасной. Запястье не белело. Сила лежала тихо, слишком тихо после того, как её уже позвали и велели вернуться. Сана знала эту тишину по году в Ильте: если прислушаться, можно решить, что внутри ничего нет. Она не прислушивалась.

Она легла лицом к двери.

Завтра Лёт будет рассказывать про чашу. Эйтан будет наливать кому захочет. Илан, возможно, не отправит письмо отцу. Несса перепишет список набело, если дождь съест чернила. Всё это можно пережить. Сана закрыла глаза и стала дышать на счёт, как на практике, только без огня: до десяти, потом ещё раз, пока комнаты не стало меньше и угол за спиной не перестал быть единственным, что она чувствует.

Во дворе доска мокла дальше. Имени Саны Морн на ней не появлялось.

Глава 2

Письмо лежало в плоском ящике на подоконнике, когда Сана проснулась. Не на почте и не в руке служанки. Ящик год стоял среди белья и переехал на окно только в те ночи, когда им пользовались. Пользоваться им без беды не получалось: семейная щель, две чаши, одна у Тарна, одна у неё. Короткий лист переходил за ночь то, на что лошади тратили дни. Тарн открывал щель редко. В срок он писал обычной почтой, чужие слова, ничего, что нельзя оставить на столе. Ящик означал: обычная почта опоздает.

Она не стала умываться. Села в угол, спиной к стене, и сломала сургуч.

«Сана. Отец и мать мертвы. Ночью, во дворце. Пишу раньше колоколов, чтобы ты не услышала это от чужих. В Альсер не езжай. Дороги я закрою сегодня. Ора жива и не одна. До твоего выпуска и до двадцати пяти закон оставляет трон мне. Я его не просил. Оставайся именем, под которым живёшь. Верь мне. Т.»

Она дочитала и держала лист так, будто бумага могла передумать. За окном кто-то смеялся на лестнице. В Ильте ещё было вчерашнее утро: доска, чаша, порезанный палец Иды. В Альсере этой ночи уже не было.

Сана сложила письмо по старым сгибам. Руки сделали это сами. Потом она не встала. Чай на столе остыл со вчерашнего, она допила его до дна, не почувствовав вкуса, и осталась сидеть, потому что если встать, надо было решать, в какую сторону идти, а направление было одно и запрещённое.

Отец не любил, когда она пугалась тихих вещей.

Ей было девять. В детской пахло яблоками и мокрым плащом: Тарн пришёл с плаца и забыл снять сапоги за дверью. Мать на это только вздохнула. Отец сидел у окна и не смотрел на корону, хотя корона была в доме, в другой зале, на подушке, и все гости всегда хотели сначала её. Он взял руку дочери и приложил её пальцы не к своему лбу, а к запястью, туда, где у взрослых бьётся жила.

— Здесь, — сказал он. — Не на голове. Печать не золото. Золото можно снять, когда человек спит.

— А это?

— Это сидит в крови Реннов. Приходит само. Когда окончишь академию и когда тебе будет двадцать пять. Раньше не зови и не соглашайся, если кто-то скажет, что можно раньше. Недоученный ум она сожжёт.

Он говорил спокойно, как про расписание. Мать — нет. Мать стояла у стола и резала яблоко слишком тонкими ломтями.

— Эдмар, ей девять.

— В девять уже слышат чужие обещания. Пусть слышит наши.

Лирен тогда не испугалась слова «сожжёт». Она испугалась, что отец держит её руку серьёзно, без игры. Тарн фыркнул от двери, подошёл и всё-таки сел на корточки, хотя генералам, как ей объясняли, так не сидят.

— Не раздувай глаза. До двадцати пяти ещё жить и жить. Сначала научись сидеть так, чтобы дверь была видна. Это полезнее корон.

— Я не боюсь.

— Вот и хорошо. Бояться будешь по делу, не по мебели.

Он поправил ей сползший носок. Мать отдала им обоим по ломтю яблока, отцу тоже, хотя тот не просил. Лирен запомнила не Печать. Она запомнила, что в тот вечер никто не отослал её спать раньше времени и Тарн остался, пока она не доела, хотя с плаща на пол натекла лужа и мать смотрела на лужу, а не выгоняла его.

Сана в Ильте открыла глаза. Письмо лежало на колене. «Отец и мать мертвы» не стало меньше от того, что ей было девять и все были живы. Она провела пальцем по строке про трон. «Я его не просил». В это она верила сразу, без усилия, как верят, что вода мокрая. Дядя не хотел короны при живых. Мёртвые не могли сделать его другим человеком.

Хотелось на лошадь. Хотелось успеть к телам, пока их ещё можно увидеть, а не услышать о них. Дорога до Альсера занимала несколько дней, если гнать, и он написал, что закроет её сегодня. Она могла выйти до закрытия. Успеть к воротам Ильта, а дальше врать на заставах.

Она не встала за сапогами.

Не потому, что письмо было приказом короля. Короля больше не было. Потому что Тарн не писал лишнего даже сейчас. Если бы ей можно было приехать, он бы не потратил строку на запрет.

Ору она увидела в двенадцать.

Это был не праздник. Мать увела её в боковую комнату при портретной зале и сказала подождать. Лирен ждала, считая трещины на раме старого холста: там она сама, маленькая, с слишком ровным бантом. Потом дверь открылась, и вошла девочка её роста, темноволосая, в простом платье. Лицо было другое. Издали, если не вглядываться, можно было сказать «похожи». Вблизи никакого чуда не было. Девочка держала руки так, будто их только что вымыли и всё ещё стыдно их показать.

— Это Ора, — сказала мать. — Она будет жить при дворе. На людях её станут звать твоим именем. Портреты после этого года будут писать с неё. Тебя двор увидит, когда придёт срок. Не раньше.

Лирен посмотрела на отца. Отец стоял у окна и не помогал матери говорить. Тарн был тут же, у косяка, и тоже молчал. Молчание взрослых было хуже объяснения.

— А меня как?

— Для них тебя не будет, — сказала мать. — Для нас ты останешься. Ора знает. Она согласилась. Это не шутка и не игра на неделю.

Ора первая нарушила тишину. Голос у неё был тише, чем Лирен ждала от девочки, которой отдавали чужое имя.

— Я буду писать, как ты. Мне уже показывали. Получается не всё.

— Покажи.

Ора написала на полях старого листа: «Лирен». Буква «р» заваливалась. Лирен взяла перо и рядом вывела свою, потом нарочно сломала «р» так же.

— Вот так они не отличат.

Ора посмотрела на две строчки и вдруг улыбнулась, коротко, будто ей разрешили ошибиться. Мать этого не видела. Тарн видел. Он ничего не сказал при всех, а когда мать увела Ору мерить ленту для волос, задержался и тронул племянницу за затылок, как делал, если она молчала слишком правильно.

— Ты можешь злиться.

— Я не злюсь на неё.

— На нас можно.

— Вы же не отдаёте меня ей. Вы прячете.

Он помолчал. В коридоре смеялась портниха, и смех был не про них.

— Прячем. Пока сила в тебе больше, чем можно показать без вопросов. Пока Печать не имеет права тебя тронуть. Если двор будет видеть тебя каждый день, найдётся добрый человек, который предложит не ждать двадцати пяти. Добрые люди в этом деле хуже злых. Злых мы хотя бы узнаём.

— А Ора? Ей достанется моё имя и чужие добрые люди.

— Ей достанется наша охрана. И моя. Если ей станет невмочь, она скажет. Она уже умеет говорить «нет» шёпотом, это редкость

Лирен кивнула. Имя было жалко, как жалко платье, из которого выросли, но людей ей было не жалко терять: отец, мать и Тарн оставались при ней, просто без зала. Ора, выходя, оглянулась. Лирен подняла лист с двумя подписями, кривой и ровной, и Ора поняла, что лист ей не отдадут на смех. Этого хватило, чтобы не стать врагами в первой же комнате.

В Ильте Сана спрятала письмо во внутренний карман, к телу. Не в стол. Стол могли вытереть, карман — нет, пока она жива. Она умылась холодной водой. Лицо в зеркале было тем же, какое она год учила не выдавать. Глаза, к её злости, слушались хуже рта. Она постояла, пока белки не стали обыкновенными. Потом вышла к завтраку, потому что отсутствие Саны Морн в общее утро было бы заметнее, чем её плохое лицо.

Ида уже заняла край стола, спиной к проходу, и подвинула миску.

— Ты выглядишь так, будто доску перевесили ещё раз. Не перевесили. Я смотрела.

— Не перевесили.

— Мать пишет, что выедет послезавтра. Пироги обещает не везти, врёт, конечно. Если ректор и правда задержит список, она хотя бы увидит город, а не только мой позор.

Сана взяла хлеб. Есть было нельзя и надо. Она откусила и жевала, пока Ида говорила про дорогу, про погоду между Селем и Ильтом, про то, что Эйтан вчера наливал своим так, будто кувшин тоже из дома Рош. Слова доходили. Ответы не собирались. Ида это услышала не сразу, а на третьей фразе, которая осталась без «да».

— Эй. Ты здесь?

— Здесь.

— Тогда скажи хоть, что пироги — зло. Тебе обычно не лень.

— Пироги — зло.

Ида не засмеялась. Она посмотрела на Сану внимательнее, чем на доску вчера, и понизила голос.

— Что случилось? Если Илан опять написал отцу, я ему скажу. Мне можно, у меня палец, я при деле.

— Не Илан.

— Несса?

— Нет.

— Тогда что?

Сана могла сказать: умерла дальняя родня. Это даже не было бы совсем ложью, и Ида пожалела бы её ровно на ту величину, какая полагается дальней Морн. Величина была слишком маленькая. Сана не хотела брать из Иды эту маленькую жалость и носить её весь день, как чужую ленту.

— Письмо. Плохое. Не про тебя и не про круг. Я не могу говорить.

Ида открыла рот для второго вопроса и закрыла. Вчера она уже один раз не спросила второй раз. Сегодня повторила это так, будто училась.

— Ладно. Ешь. Если захочешь, я буду рядом и могу молчать. Молчать я умею хуже, чем болтать, но ради тебя попробую не умереть.

— Спасибо.

Слово вышло сухое. Ида не обиделась. Она подвинула хлеб ближе, как в первый месяц, когда Сана ещё не знала, с какого края стола не видно всего зала.

Год назад Ильт встретил её дождём и клерком, который не поднял глаз.

— Имя, дом, от кого бумага.

— Сана Морн. От тётки. Она не приехала.

Клерк записал. Перо скрипнуло на «Морн», будто дом был слишком маленький для полной строки. Лирен ответила сразу. Почти. Четверть вздоха всё-таки села между вопросом и именем, та самая, которой во дворце учат не перебивать старших. Клерк её не услышал. Она услышала. И решила, что этой четверти здесь больше не будет.

Комнату дали на двоих. Вторая кровать пустовала уже тогда: то ли не доехали, то ли передумали. Она поставила сундук так, чтобы со своей подушки видеть дверь, и долго не могла понять, зачем, пока не вспомнила сапоги Тарна на пороге детской. Привычка приехала вместе с ней, без приглашения.

В общей зале в тот вечер было шумно. Старшие дома сидели ближе к теплу. Несса Вар уже тогда говорила негромко, и вокруг неё замолкали не из страха, а из расчёта. Эйтан Рош разливал по кружкам своим и смотрел, кто подошёл без приглашения. На новую Морн они не потратили взгляда. Это было удачей. Лирен, уже Сана, села с краю, где скамейка кончалась стеной, и старалась есть медленно, как человек, у которого есть право на ужин.

Ида села напротив через три дня, не в первый вечер. Села и сразу разломила корку.

— Левая подгорела, правую берёшь? Меня Ида. Если скажешь, что Морн не разговаривают с Селями, я не обижусь, но хлеб уже у тебя.

— Сана. Разговаривают.

Так и осталось. Не клятвой и не тайной. Хлебом и тем, что Ида задавала вопросы дважды, а Сана отвечала на второй, если первый был слишком близко к правде. Несса и Эйтан за этот год так и не стали историей, которую надо рассказывать. Они были воздухом залы: кто держит стол допуска, кто решает, чья бумага опоздала. Сана обходила их, как обходят лужу, пока лужа не пришла сама, уже на этой неделе, с доской. Объяснять это Иде не требовалось. Ида стояла у той доски рядом.

Сана доела хлеб. В зале пахло кашей. Никто не говорил про Альсер. Колокола молчали. Тарн успел.

После завтрака она не пошла на почту и не пошла к воротам. Ноги всё равно вынесли её на нижнюю дорогу, ту, с которой видно речные створы. Там уже стояли двое в солдатских плащах, не ильтских, столичных. Один скучал. Второй читал вслух короткую бумагу караульному:

— До особого распоряжения генерала Ренна выходных обозов к столице нет. Пеших с письмами тоже гони назад. Причина — порядок на дороге. Не рассуждать.

Караульный сплюнул.

— Опять учения. Вечно у них порядок, когда людям ехать.

Солдат не стал спорить. Бумагу убрал. Приказ пришёл на заставу с рассветным рожком, не с загнанной лошадью: в Ильте и так стоял столичный пост, ему не нужно было скакать из дворца. Сану, девушку в академическом плаще, солдат проводил глазами и забыл. Она постояла, пока не убедилась, что уехала бы зря. Тарн не пугал. Он успел сделать то, что написал. От этого стало не легче и не тяжелее. Стало точнее.

На обратном холме её догнал Илан.

Он шёл быстро, потом нарочно медленнее, чтобы не выглядело погоней.

— Сана. Я не про доску. Письмо отцу я не отправил. Ты сказала не надо, я ночью порвал. Хотел, чтобы ты знала до того, как решишь, что я всё равно сделал по-своему.

Она посмотрела на него и не сразу поняла, о каком письме речь. Вчерашнее. Подпись дома Таль. Стол допуска. Мир, в котором это было важно, остался по ту сторону подоконника.

— Хорошо.

— Ты не обязана благодарить. Я просто не хотел долга там, где ты его не брала.

— Я поняла. Спасибо. Мне надо идти.

Он нахмурился. Не обиделся сразу. Присмотрелся, и это было хуже обиды.

— Ты какая-то не такая. Если тебе дурно с практики, мастер Лин сегодня злой, можно не ходить. Я скажу, что ты помогала Иде с рукой.

— Не надо ничего говорить.

— Сана.

— Илан. Не сегодня.

Она ушла первой. Он остался на тропе. Сана не оглянулась, но знала, что он смотрит и запоминает не фразу даже, а то, как у неё сел голос. Потом вернёт. Такие вещи он хранил. Сегодня у неё не было силы отобрать у него эту память.

В комнате она достала письмо ещё раз. Не чтобы перечитать смерть. Чтобы перечитать «верь мне» и «Ора жива». Ора сейчас стояла где-то в галерее, и люди целовали ей воздух над рукой, думая, что целуют наследницу, у которой убили родителей. Ора умела писать чужое имя. Умела ли она стоять чужое горе, Сана не знала. Тарн написал «не одна». Этого на сегодня было довольно. Проверять дядю она не стала и сейчас. Если он сказал, что Ора не одна, значит, он там, а не на троне в пустой зале, примеряя тишину.

Про Печать в письме не было ни слова. Сана и не ждала. Отец когда-то сказал: раньше двадцати пяти не звать и не соглашаться. Мать умерла, не успев повторить это взрослым голосом. Правило всё равно лежало на месте, как лежит нож в ящике, о котором не думаешь, пока не режешь хлеб. Ей было двадцать два. До выпуска три года, и к тому дню как раз будет двадцать пять. Трон по закону у Тарна, и он этот закон не выдумал сегодня ночью. Она повторила себе это вслух, очень тихо, чтобы комната слышала факты, а не вой.

— Они мертвы. Я не еду. Он не просил трон.

Факты не плакали. Она тоже не плакала, и от этого злилась на лицо, которое слишком хорошо выучили.

В дверь постучали условно: два коротких, один длинный. Ида. Сана успела убрать лист в карман.

— Я молчала почти час, — сказала Ида с порога. — Это мой предел, можешь мной гордиться. Я не спрашиваю, что в письме. Я спрашиваю, тебе надо, чтобы я села, или тебе надо, чтобы я ушла и никому не говорила, что ты странная.

— Сядь.

Ида села на пустую кровать, не разваливаясь, как садилась, когда дело было не смешное.

— В зале уже болтают, что столичные закрыли дорогу. Эйтан говорит: генерал опять играет в войну. Несса говорит: если до разъезда не откроют, старшие дома напишут жалобу. Меня материна телега волнует больше их жалобы. Она же послезавтра.

Сана почувствовала холод в пальцах. Мать Иды. Дорога. Закрытие, которое Тарн сделал, чтобы не пустить племянницу к телам, ударит и по чужим. Ида смотрела на неё и ждала обычного совета: напиши, пусть подождёт, осенью ещё раз. Обычный совет был ложью уже вчера. Сегодня он мог стать чем-то хуже.

— Пусть не едет, пока дорогу не откроют. Напиши сегодня. Не послезавтра. Сегодня.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что закрывают не для учений. Я не могу сказать больше. Напиши.

Ида смотрела долго. Потом кивнула, без улыбки.

— Ладно. Сегодня. Если ты так говоришь, я не буду выбивать из тебя остальное. Но если моя мать всё равно поедет, потому что она упрямее меня, это не ты виновата.

Сана не ответила. Виноватой она себя уже чувствовала, хотя не закрывала ни одной заставы. Ида ушла писать. За ней пахло чернилами и хлебом.

День пришлось дожить. Общая практика была, и не прийти значило попасть на язык к мастеру Лину, а язык мастера доходил до Нессы быстрее, чем дым. Сана стояла у толстой чаши и держала огонь маленьким. Сажа легла послушно, как у плохой ученицы. Рука не рванула. Сила лежала тише, чем вчера, прибитая не мастерством, а тем, что внутри не осталось места звать её. Мастер прошёл мимо и не поругал. Это было почти оскорблением: даже для окрика она сегодня была недостаточно заметна.

Несса на той стороне верёвки отработала чисто и, уходя, сказала Эйтану, не понижая голоса:

— Если генерал держит дороги, пусть держит и ответ. Дом Вар не сидит в Ильте лишнюю неделю ради чужого порядка.

Эйтан хмыкнул.

— Сначала пусть скажет, от какого беспорядка прячет. Генералы не закрывают столицу из любви к тишине.

Сана смотрела в свою чашу. Они говорили о Тарне как о человеке, который играет чужими днями. Они не знали, чьи дни он закрыл на самом деле. Она знала и не могла бросить им в лицо ни одной правды. Правда сожрала бы Сану Морн до ужина. Она потушила огонь ровно на сотом счёте и вышла вместе со всеми.

К вечеру по нижнему городу всё ещё не били тревогу. Столица молчала, или звук ещё не дошёл. Сана сидела у себя, опять в углу, и переписывала Тарну ответ, который можно было отправить. Не утешение. Не имя Лирен. Три строки.

«Получила. Остаюсь. Верю. С.»

Она подержала перо над четвертой, где могло бы стоять «скажи Оре, что подпись её, пусть заваливает букву». Не написала. Четвертая строка была уже не для почты. Письмо ушло бы через солдат, которые читают, если конверт покажется лёгким. Три строки они сочтут за послушание дальней родственницы. Так и надо.

Она запечатала дешёвым перстнем и долго не гасила лампу. За окном мокла доска. Имени Саны Морн на ней по-прежнему не было, и теперь это несчастье казалось маленьким, почти добрым. Маленькие беды оставляли человека на месте. Большая уже случилась, и место, где ей разрешили быть, называлось не Альсер.

Перед сном она положила ладонь на запястье, туда, куда в детстве её руку положил отец. Жила билась. Печать не пришла. Ей было двадцать два, и академия не кончилась, и никто не предлагал не ждать. Только мёртвые лежали в другом городе, а дядя, который не просил трона, уже держал дороги.

Сана верила ему. Сапоги она так и не достала. Легла лицом к двери и слушала, не ударит ли колокол. Колокол молчал. Утро Ильта ещё не знало, что король и королева мертвы.

Глава 3

Тарна нашли не в постели. Он сидел в караульной у внутреннего двора, в сапогах, и переписывал список застав, которые и так знал наизусть. Капитан ночной стражи открыл дверь без стука.

— В спальне. Оба. Я послал людей по галерее, но вы были ближе всех.

Тарн отложил перо. Ближе всех он оказался потому, что караульная стояла под королевским коридором и он в ней засиделся, а не потому, что ждал ножа. Объяснять это капитану он не стал. Объяснение в такую ночь звучало бы заготовкой.

— Кто ещё видел.

— Двое у двери и я. Больше никого не пускал.

— Так и держи. Лекаря позови, пусть подтвердит, и сразу выстави его обратно. Служанок не надо.

Они поднялись быстро. Тарн шёл первым и ещё на лестнице стал говорить тише, хотя злиться в полную силу было рано, тело не успело. Тихий голос у него выходил сам, когда впереди была кровь.

Король лежал поперёк ковра, не на кровати. Королева дошла почти до двери и там остановилась. Тарн опустился рядом с братом, проверил шею, запястье, потом то же у Альны. Тепло ещё держалось. Смерть была свежая, в пределах часа, может меньше. Он убрал руку и несколько вдохов смотрел в пол, потому что на лица смотреть дальше было незачем и очень хотелось.

Эдмар не взял меч с кресла. Меч лежал, где его оставляли на ночь, под рукой у спящего, а спать они, видно, не легли. Альна была в домашнем платье, без украшений. Кто вошёл, того впустили или тот знал ход для своих. Чужих следов на подоконнике Тарн не увидел с первого взгляда и не стал ползать по комнате при капитане.

— Закрой крыло. Никто из залы, пока я не скажу. Колоколов не бить до утра.

— Люди спросят.

— Люди спросят в любом случае. До утра пусть спрашивают шёпотом.

Капитан вышел. Тарн остался с мёртвыми и сделал то, за что его потом можно было ненавидеть без труда. Он снял с руки Эдмара перстень, которым сургучат указы. Это было кольцо для бумаг, не Печать, живущая в крови: её с пальца не снимешь, а кольцо, оставленное на столе, утром ляжет под руку любому писцу. Тарн вытер металл о свой платок, хотя крови на перстне не было, и спрятал во внутренний карман.

Потом он закрыл брату глаза. Альне тоже. Это уже было не для порядка.

В кабинете он не сел. Написал на узком листе то, что можно отправить семейной щелью, и то, чего нельзя писать обычной почтой. «Отец и мать мертвы. Ночью, во дворце. В Альсер не езжай. Дороги я закрою сегодня. Ора жива и не одна. До твоего выпуска и до двадцати пяти закон оставляет трон мне. Я его не просил. Оставайся именем, под которым живёшь. Верь мне». Подпись одна буква. Лист лёг в чашу. Чаша забрала его за несколько вдохов, и на дне не осталось пепла. Тарн закрыл ящик щели и только тогда позволил себе опереться о стол. Руки были сухие. Мыть их пришлось всё равно, дважды, хотя крови на пальцах он не нашёл.

Ора пришла сама. Её перехватили в галерее, капитан доложил через дверь: принцесса слышала шаги и не желает ждать в спальне. Тарн вышел к ней в коридор, где ещё стояла придворная дама, и при даме сказал только:

— Лирен, вернись к себе. Я зайду.

Ора посмотрела ему в лицо и не поправила имени. Даме она только кивнула.

— Хорошо, дядя.

В её комнатах даму оставили за дверью. Ора дождалась щелчка и тогда села, потому что стоять больше не могла. Руки у неё были чистые и дрожали.

— Оба?

— Оба.

— Лирен знает?

— Я написал в ящик. Она не приедет. Дороги я закрою на рассвете, приказ уже отдан на рожки.

Ора провела ладонью по колену, хотя платье и так лежало ровно.

— Мне выйти, когда начнут плакать вслух? Они ждут Лирен.

— Выйдешь утром, не раньше. Скажешь мало. Если кто-то полезет с утешением вплотную, ты устала и я запретил разговоры. Это будет правда.

— А если спросят, где настоящая.

— Не спросят. Для них настоящая ты. Если спросит тот, кому нельзя знать, позовёшь меня и промолчишь.

— Я останусь при этом имени, даже если носить его станет опасно. Вы с ней так решили не ради одной спокойной ночи.

— Сегодня я тебя не отсылаю. До утра на галерею тоже не пущу. У двери мой человек.

Ора кивнула. На пороге она окликнула его уже без дамы, своим голосом, не тем, которым отвечала на имя Лирен.

— Тарн. Ты был в караульной. Тебя увидели одетым. Завтра скажут, что генерал не ложился.

— Пусть говорят. Я и правда не ложился.

В своём кабинете он открыл нижний ящик стола, положил перстень в пустую шкатулку и повернул ключ. Шкатулка была старая, для карт. Ключ он повесил на шею, под рубаху, не на связку, которую сдают адъютанту. Потом сел писать приказы. Сначала рожки на заставы: столицу не запирать от продовольствия, частный выезд к Альсеру остановить до отдельного слова. Потом короткую бумагу совету. Король и королева мертвы, крыло опечатано, регентство по закону переходит к брату до выпуска наследницы и до её двадцати пяти лет, подпись будет утром при свидетелях. Слово «дочери» он поставил и зачеркнул. Для совета дочь спала за стеной, и звать её в бумаге по-настоящему было нельзя.

Под утро пришёл канцлер. Его подняли не колоколом, а человеком Тарна, и канцлер это отметил раньше, чем сел.

— Вы быстро.

— Нож был быстро. Я подстроился.

— Перстень короля. Камердинер говорит, на руке его уже не было, когда пустили лекаря.

— Он у меня. В ящике, под ключом. Завтра приложу при вас к бумаге о регентстве и уберу снова. На столе ему сегодня не лежать.

Канцлер посмотрел на закрытый ящик и на сапоги, которые Тарн так и не сменил.

— Брат ваш ещё не остыл, а дороги уже закрывают. Это похоже на человека, который знал час.

— Это похоже на человека, у которого под спальней караульная и который не хочет, чтобы убийца выехал из города вместе с обозом. Если у вас есть имя лучше моего, кладите на стол до рассвета. Нет имени, не мешайте мне считать выходы.

Канцлер ушёл писать собственную бумагу. Тарн остался. За стеной Ора не зажигала лишних свечей. Во дворе готовили рожки. Он положил ладонь на ящик и не открыл его второй раз.

К утру дворец знал, что генерал не ложился, перстень у него, а принцесса жива и никого не принимает. Этого людям хватило, чтобы начать думать. Тарн дал им думать. Лирен была в другом городе, письмо уже лежало в её ящике, и больше он для неё этой ночью сделать не мог.

Глава 4

Весть дошла до Ильта на второй день, официальным листом, и её читали во дворе до завтрака. Мастер Лин стоял у доски допуска, отодвинув мел в сторону, и поднимал бумагу так, чтобы видели печать канцелярии, не генерала.

Король Эдмар Ренн и королева Альна мертвы. Убиты в собственной спальне. Принцесса жива, никого не принимает. До её выпуска и до двадцати пяти лет регентом по закону назван брат короля, генерал Тарн Ренн. Дороги к столице остаются закрытыми для частного выезда. Занятия в академии не отменяются.

Сана стояла в заднем ряду, рядом с Идой. Она уже знала текст почти дословно и слушала чужие вдохи, чтобы не выдать свои. Кто-то заплакал сразу, по королеве, которую видел один раз на празднике. Кто-то начал считать, что будет с домами, если регент задержит разъезд. Ида взяла её за рукав и не спросила ничего. Этого хватило, чтобы достоять до конца.

В зале за завтраком говорили уже не о мёртвых, а о том, кто остался жив. Принцесса не вышла к людям. Генерал закрыл крыло. Имя регента повторяли чаще, чем имена убитых. Сана ела кашу и отвечала Иде про дорогу: мать Иды успела получить письмо и написала, что с телеги сошла. Ида за это сказала спасибо ещё вчера. Сегодня она спасибо не повторяла и только смотрела, как Сана доедает до дна.

Несса принесла своё к обеду.

Она не встала на лавку и не попросила тишины. Села за свой стол, развернула письмо с гербом Вар и стала читать вслух те куски, которые дом счёл годными для чужих ушей. Тётка писала из дворца. Генерала нашли не в постели, а в караульной, одетым, с пером в руке. Перстень короля сняли с руки раньше лекаря, и к утру он был уже в ящике у брата. Приказ о дорогах ушёл на рожки до того, как двору позволили плакать в голос.

— Так не успевают горевать, — сказала Несса, сложив лист. — Так успевают, если час известен заранее.

Эйтан сидел рядом и не добавил ни слова. Он смотрел, кто слышит. Слышали два соседних стола, и этого было достаточно, чтобы шум в зале сменил сторону. До этого ругали убийцу без лица. Теперь у убийцы появилась должность.

Ида повернулась к Сане.

— Ты слышала? Если это правда, регент…

— Нет.

Сана сказала это в кашу, но Несса была ближе, чем казалось. Она подняла глаза от письма.

— Нет чему, Морн? Нет, что его нашли одетым? Это пишет моя тётка, не я. Или нет, что перстень ушёл с руки мертвеца в карман живого брата?

Зал притих ровно на этот вопрос. Сана могла бы сказать про караульную под спальней, про писца, которому нельзя оставлять королевское кольцо, про закон, который сам кладёт регентство на брата. Всё это было бы речью. Речь от дальней Морн в защиту генерала Ренна запомнили бы лучше любого письма.

— Нет, — повторила она. — И больше я ничего не скажу.

Несса улыбнулась одним углом рта.

— Мало. Но честно. Когда нечего защищать, люди повторяют одно слово.

Эйтан встал, взял кувшин и отошёл не к своим, а к столу Келей, где сидели те, кто письма Вар не слышал.

— Там уже решили, — сказал он, наливая. — Дороги закрыли раньше плача. Перстень у регента. Морн пыталась спорить и кончила на «нет». Значит, спорить нечем.

Кель, которому налили, кивнул, хотя за столом Вар не сидел и письма не видел. К ужину фраза обошла зал без письма и без Саны. Остались дорога, перстень и генерал, который не ложился. Её «нет» в этой версии было не отказом, а нехваткой слов.

Ида догнала её в галерее.

— Ты сказала «нет» слишком уверенно для человека, который генерала в глаза не видел. Откуда.

— Я сказала, что не буду говорить. Это другое.

— Несса теперь носит твоё слово по залу, а Эйтан уже переврал его Келём. Если ты молчишь, они допишут за тебя.

— Пусть допишут. Правды им от меня не будет.

Ида остановилась. Порез на пальце она уже почти не берегла, только иногда прятала руку в карман, когда злилась.

— Я не прошу правду про твоё письмо. Я прошу не оставлять меня одну в этом зале с их версией. Мне тоже страшно. Королева мертва, дороги закрыты, а человек, который их закрыл, по их словам сидел и ждал нож. Если это не он, кто-то должен сказать громче, чем «нет».

Сана посмотрела на неё и не нашла фразы, которая не выдала бы ящик на подоконнике.

— Это не он.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. И не могу объяснить так, чтобы ты поверила. Поэтому не объясняю.

Ида молчала долго. Потом кивнула. Согласия в этом не было, только отсрочка.

— Ладно. Я пока не повторяю их версию. Но и твоё «знаю» я не могу выдать за своё. Если Эйтан спросит меня, я скажу, что не была в том дворце. Это будет правда.

— Этого достаточно.

На вечерней практике Несса не смотрела на чашу. Она смотрела, чтобы младшие дома сами произносили новость. Лёт, который всё ещё боялся своего огня, сказал мастеру, что при таком регенте лучше бы академию закрыли до осени. Мастер велел ему держать счёт и не лезть в столицу. Эйтан, проходя мимо верёвки, уронил для их половины зала одну фразу, без адреса:

— Кто спал в ту ночь, тот не успел забрать перстень.

Сана довела огонь до сотни и погасила. Отвечать она не стала. Илан стоял на старшей стороне и один раз поймал её взгляд. После занятия он не пошёл следом. Только у выхода сказал в спину, тихо:

— Если тебе тяжело из-за них, из-за короля, я не буду спрашивать. И письмо отцу я правда порвал.

— Не надо, — сказала она. — Ни спрашивать, ни рвать при мне ещё раз.

Он остался у двери. Она ушла к себе.

В комнате ящик на подоконнике был пуст и холоден. Сана не открывала его при свете: слух уже ходил по коридорам, а семейная щель не прощала лишнего тепла. Она села в угол, достала из кармана первое письмо Тарна и перечитала строку, которую зал не знал. «Я его не просил». Бумага не стала доказательством для Нессы. Для Саны она была достаточна.

За стеной кто-то повторял, уже без злости, просто как новость дня: регент не ложился. Сана сложила лист и погасила лампу. Зал мог дописывать её «нет» как хотел. Она своё слово назад не брала.

Глава 5

Сана проснулась от того, что чашка треснула у неё в руке.

Она не звала огонь. Она просто держала глину и думала, успела ли Ида поспать. Чашка ответила белой кромкой по краю и разошлась на две части, ровно, без сажи. Вода вылилась на одеяло. Сана сказала вслух:

— Ну и ну.

Голос сел. Она засмеялась один раз, коротко и некстати, подобрала черепки и порезала палец о тот, который ещё хранил тепло. Кровь была обыкновенная. Запястье белело. Она сунула руку под кувшин, пока след не ушёл, и пошла к Иде босиком по холодному коридору, потому что сидеть с черепками одной было хуже, чем выглядеть глупо.

Ида открыла не сразу.

— Если это Несса, я сплю. Если ты, заходи, только тихо, у меня лицо ещё не наступило.

— Я. Чай не принесла. Принесла палец и глупость. Вчера я оставила тебя одну в зале. Это было скверно. Я не хотела.

Ида посмотрела на кровь, на босые ноги и посторонилась.

— Садись. Палец давай. Лицо можешь оставить кривое, мне не жалко.

Она промыла порез своим умыванием и замотала его обрывком, который уже был не первой свежести. Сана шипела и не отнимала руку.

— Больно?

— Щиплет. Ида, я правда… я вчера сказала «нет» и ушла, а тебе было страшно. Мне тоже. Я просто не умею это класть в слова при людях.

— При мне попробуй. Не все слова. Хоть кусок.

Сана смотрела, как Ида затягивает узел криво и тут же перевязывает.

— Кусок такой. Регент не сидел и не ждал нож. Я в этом уверена так, как не имею права быть уверена дальняя Морн. Объяснить не могу. И мне от этого противно, потому что ты стоишь рядом и получаешь их кашу вместо ответа.

Ида затянула узел уже лучше.

— Противно ей. Хоть что-то человеческое с утра. Ладно. Кусок беру. В зал его не несу. А ты обуйся, а то Сель не лечат воспаление лёгких героизмом.

Строевую по домам вывели на двор до обеда. Мастер Лин ходил с палкой не для битья, для тыканья в камни, где кому стоять. Первая шеренга была короткой. Вторая длиннее и злее, потому что сзади хуже видно и лучше слышно чужие шутки.

Ида встала рядом с Саной и, пока мастер отыскивал пропавшего Келя, заговорила вполголоса, как говорят, когда злятся на порядок и заодно объясняют его подруге.

— Смотри, чтобы не путаться, когда Несса опять сделает вид, что мел это закон. Первые. Вар держат сказанное, чтоб слово не расползлось. Поэтому у них бумага, сроки и твоё «нет», которое они уже переврали. Рош пропускают людей: кто сел, кто вошёл, кому налили. Эйтан от этого и кувшин. Таль возят деньги и зерно, магия у них крепкая и скучная, Илан весь из этого сшит. Кель меряют. Можно ли тебе силу носить или ты ещё чашку портишь. Ректоры у них не случайно.

— А мы.

— Вторые. Сель знают дороги и телеги, нас зовут, когда надо доехать, и не зовут, когда делят стол. Морн… ты не злись. Морн сидят в имении. Старшая линия почти вся ушла вместе с королевой, она же их была. Осталась боковая, тихая. Поэтому ты без подписи на круге, а не потому что ты плохо горишь.

Сана кивнула. В горле стало тесно не от обиды. От того, что Ида сказала «вместе с королевой» как о чужой семье, и это было правильно для Саны Морн и невыносимо для дочери.

— Я не злюсь. Так и есть. Боковая. Тётка не выезжает, подпись не садится.

— Ренн тут вообще не стоят, — добавила Ида и кивнула на пустой край двора. — Правящий дом под мел не встаёт. За них теперь регент расписывается, и пусть зал подавится этим сколько хочет.

Мастер ткнул палкой между ними.

— Сель, Морн, разговоры после сотни. Первая шеренга, своё. Вторая, чаши. И чтобы никто не геройствовал, у нас траур, а не ярмарка.

Несса вышла на шаг. Ей не дали чашу. Ей дали короткую фразу, сказанную мастером: «держать». Она повторила её, и слово осталось в воздухе после того, как рот закрылся, сухое и ровное, пока она сама его не отпустила. Эйтан не жёг. Он провёл двоих младших через верёвку туда, куда они не собирались ступать, и вернул обратно легче, чем людей ведут за рукав. Илан держал тусклый огонь на ладони, без блеска, и огонь не плясал, даже когда ветер дёрнул плащ. Кель, запоздавший, встал последним и только сверил чужие работы взглядом, ничего не зажигая. Роэн стоял не в шеренге. Он смотрел с крыльца старого крыла, в том же грязном по подолу плаще, и записывал, кто сбился.

До второй шеренги дошла очередь чаш. Сана взяла толстую, с трещиной, и пообещала себе сажу. На десятом счёте палец под марлей дёрнуло. На двадцатом она услышала, что Несса снова повесила в воздухе чужое «держать», уже для порядка, не для показа. Слово легло Сане на запястье сверху, чужое и тяжёлое. Огонь побелел.

Чаша Иды поехала. Не от жара Лёта, от толчка, которого на верёвке не было. Ида охнула и не успела убрать запястье, то самое, где ещё жил порез. Сана бросила свою чашу и схватила Иду за рукав.

— Я здесь. Стой.

Воздух между ними на миг стал плотным. Чаша Иды ударилась об это и села на камни, не доехав до ноги. Осколок все же резанул Сане по уже порезанному пальцу. Она не отпустила рукав. Белый след на запястье вспыхнул и она загнала его в рукав вместе с кровью, слишком поздно для того, кто смотрел с крыльца.

Роэн спустился на три ступени.

— Довольно. Шеренги разойдись на шаг. Морн, руку вниз. Сель, вы целы?

— Цела, — сказала Ида. Голос у неё дрожал и она злилась на дрожь. — Это я сама дёрнулась.

— Я видел не вас. Сана Морн, после шестого звонка, старое крыло, учёт. Придёте по имени и по времени, не раньше и не с подругой.

Он не смотрел на неё дольше, чем на чашу. Записал и ушёл обратно на крыльцо. Несса отпустила слово «держать», и двор стал обыкновенно шумным. Эйтан сказал кому-то, что Морн опять геройствует на ровном месте. Илан сделал шаг и остановился, потому что Сана покачала головой раньше, чем он успел спросить.

Ида смотрела на их руки. Сана всё ещё держала её рукав.

— Ты меня схватила раньше чаши.

— Я испугалась. Можно мне иногда бояться вслух?

— Можно. Даже нужно, а то я думаю, что дружу с дверью. Пойдёшь к нему?

— Пойду. Это учёт, не плаха. Если задержусь, не стой у крыльца, Несса решит, что мы заговор.

— Мы и так заговор, у нас два порезанных пальца на двоих.

Сана улыбнулась. Улыбка вышла живая и тут же села, потому что шестой звонок был не через час, а к вечеру, и до него надо было носить обыкновенное лицо.

В старое крыло она вошла, когда колокол ещё дозванивал. Коридор пах закрытыми комнатами. Роэн сидел не во главе залы, а у стола у окна, где свет падал на лист, не на гостя. Плащ он снял. Сапоги были те же.

— Сана Морн. Дом, кто подписывал допуск в академию, и что произошло на двадцатом счёте. Коротко. Мне нужно для учёта, не для зала.

Она стояла и чувствовала, как с марли опять проступает кровь. Прятать руку за спину было глупо. Она положила её на край стола, чтобы не капало на пол.

— Дом Морн, боковая линия. Подписывала тётка, она не ездит. На счёте я испугалась за Иду. Чаша поехала, я дёрнулась. Огонь побелел, потому что я его пережала. Сажа не вышла. Это моя ошибка, не её.

Роэн посмотрел на кровь, достал из ящика чистую полоску и положил рядом, не вкладывая ей в пальцы.

— Перевяжите. Ида Сель сказала, что дёрнулась сама. Вы говорите, что испугались за неё. Оба объяснения могут быть правдой и оба не объясняют, почему воздух перед чашей стал коротким.

Сана замотала палец. Узел вышел не хуже идиного.

— Я не умею делать воздух коротким. Я умею портить чашки. Утром у себя тоже раскололa, если это нужно в учёт. Могу принести черепки.

Он записал. Перо не остановилось на её шутке и не потеплело.

— Черепки не носите. Повторите огонь здесь, маленький, грязный, как на первом курсе.

Она повторила. Жёлтый, голодный, с сажей на блюдце, которое он пододвинул. Запястье она держала так крепко, что палец заныл сильнее огня. Роэн смотрел не на пламя, на то, как она его гасит. Гашение вышло слишком ровным. Она увидела это по его перу: он дописал строку и подчеркнул не слово «сажа», а слово «ровно».

— На сегодня достаточно. Срыв отмечен. Повтор через неделю, в то же время. До повтора на строевой стоите во второй шеренге и чашу берёте толстую. Если побелеет ещё раз при людях, я сниму вас с общей практики до осени. Это не наказание. Это чтобы Сель больше не ловила осколки грудью.

— Она мой друг. Я не хотела, чтобы в неё ехало. Если снимете меня, Несса решит, что я спряталась. Мне можно бояться этого вслух или учёт такое не пишет?

Роэн наконец посмотрел ей в лицо. Не дольше, чем нужно, чтобы сверить человека с именем на листе.

— Учёт пишет срыв и срок. Ваш страх перед Вар в него не входит. Можете идти, Сана Морн.

Она пошла. В дверях обернулась, потому что человек, а не правила, так делает, когда его отпустили и он не уверен, что кровь не осталась на столе.

— Полоску я верну.

— Не надо. Идите.

Ида ждала не у крыльца. В комнате Саны, на пустой кровати, с двумя кружками. Одна уже остыла. Сана села рядом, не в угол, и вытянула перевязанный палец.

— Жива. Через неделю опять. Если побелеет при всех, снимет с практики. Сказал, чтобы ты больше не ловила осколки. Я его за это не люблю и не ненавижу. Он просто записал.

— А ты?

— А я испугалась. Сначала за тебя, потом за себя, потом что он видел воздух. Сейчас мне легче, потому что ты здесь и чай, кажется, уже невозможно пить.

Ида пододвинула кружку.

— Пей невозможное. И в следующий раз хватай меня за рукав сразу, не после героизма. Я от рукава не обижаюсь.

Сана пила. За окном первая шеренга ещё не разошлась до конца: Вар, Рош, Таль, Кель стояли у доски и говорили о регенте так, будто двор принадлежал им по очереди. Вторая шеренга, Сель и Морн, в этот разговор не входила. Сана смотрела на них и на Иду и думала, что боковую линию можно носить, если рядом есть кому перевязать палец криво и потом лучше.

В старом крыле Роэн поставил сегодняшний лист рядом с объявлением о смерти королевы. Две бумаги легли в одну стопку только потому, что обе были за эту неделю. Он подчеркнул «ровно» ещё раз и не стал искать, что общего у боковой Морн и у мёртвой Альны. Пока это был учёт. Пока.

Глава 6

Ночью академия наконец стала тише. Днём по двору ходили с чёрными лентами на рукавах, и ленты путались в чашах, в ложках, в дверях. К ночи ленты сняли, а горе осталось в коридорах запахом мокрой шерсти и остывшей каши. Сана лежала лицом к двери и не спала. Письмо Тарна лежало под подушкой. Она достала его не затем, чтобы опять читать приказ. Бумага была из того дома, где ещё недавно резали яблоки слишком тонкими ломтями.

Она попробовала вспомнить лица так, как Тарн, наверное, смотрел на них в ту ночь, чтобы успеть. Отец выходил плохо. Оставались рука на её запястье, серьёзные пальцы, голос, которым говорят расписание. Мать выходила лучше и от этого хуже: вздох на лужу с плаща, нож,яблоко, фраза «ей девять», сказанная не Сане, а отцу. Сана повторила её шёпотом и не попала в интонацию. Ниже, чем нужно. Мать никогда не опускала голос от злости. Это был дядин обычай. Мать просто уставала раньше конца разговора и всё равно договаривала.

— Мама, — сказала Сана в темноту. — Папа.

Слова были детские. В Ильте она год их не произносила даже мысленно, чтобы рот не привык. Сейчас рот сам их выбрал, и после этого держать лицо стало нечем. Слёзы пошли не красиво. Сначала щипало в носу, потом она всхлипнула так громко, что сама себе зажала рот рукавом, и рукав сразу стал мокрый и солёный. Она плакала по яблоку, по сапогам, которые нельзя было ставить у двери, по тому, что на похороны приедет Ора под её именем, а она будет есть кашу во второй шеренге. Она плакала, потому что скучала. Не по короне и не по залу. По людям, которые знали, как она сидит, когда боится, и всё равно оставляли ей место за столом.

В дверь постучали. Два коротких, один длинный. Сана не успела вытереться. Голос не слушался.

— Заходи. Только заходи, не стой.

Ида вошла с огарком. Увидела рукав, письмо, босые ноги на холодном полу, потому что Сана в какой-то момент села, сама не заметив. Огарок Ида поставила на стол и села на пол рядом, не спрашивая разрешения быть ближе.

— Я слышала. Стена тут честная, не обижайся. Можно я рядом посижу или тебе надо, чтобы я сделала вид, что заходила за чаем?

— Побудь. Чай не нужен. Я… я не могу перестать, и это глупо, уже ночь, завтра опять шеренга.

— Ночь для этого и есть. Днём ты у нас дверью работаешь. Дай сюда рукав, он уже не рукав, а берег.

Сана засмеялась в середине всхлипа, и получилось хрипло. Ида не стала делать из этого победу. Она просто сидела так, чтобы плечо было под рукой, если Сана захочет опереться. Сана захотела. Опора вышла тёплая, пахнущая чернилами и мылом. Некоторое время они молчали, и плач стал тише, не потому что кончился, а потому что рядом было кому не смотреть в упор.

— Мне их не хватает, — сказала Сана. — Маму и отца. Я их больше не увижу. На похороны меня не пустят, и я даже не могу злиться на это вслух. Я скучаю по голосу. По тому, как отец молчал, когда сердился, и всё равно оставался в комнате. По маминым рукам. У неё был порез на большом пальце, старый, от бумаги, она его не берегла. Я сегодня свой замотала и подумала, что она бы перевязала криво и потом лучше. Как ты.

Ида погладила её по волосам один раз, неловко, потому что не привыкла гладить Сану.

— Твоих?

— Не спрашивай кто. Пожалуйста. Если спросишь, я опять закроюсь, а я устала закрываться хотя бы на эту ночь.

— Не спрошу. И в зал не понесу. Хочешь, я просто буду тут, пока ты не уснёшь, и утром сделаю вид, что ты обыкновенно злая?

— Хочу. И не надо вид до конца. Можно оставить меня немного живой. Я боюсь, что если опять зашью лицо, то разучусь по ним скучать. А я не хочу разучиться. Пусть болит. Они были.

Ида кивнула в темноту.

— Были. Тогда болит честно. Ложись. Я на пустой кровати, пинаться не буду, если не начнёшь храпеть регентом.

Сана легла. Плакала ещё, уже без звука, в подушку, и между волнами говорила мелочи, которые Ида не переспрашивала. Что отец не любил, когда боятся тихих вещей. Что мать резала яблоко так, будто кормила не ребёнка, а весь стол, и всё равно отдавала лучший ломоть. Что в детской пахло мокрым плащом, и это был хороший запах, пока не стал последним, который она может приставить к ним. Ида отвечала не утешениями, а «угу» и «помнишь, значит, не отняли». Под утро Сана уснула на половине фразы про носок, который дядя поправлял, и не договорила, чей дядя.

Утро принесло Илана раньше, чем лицо успело стать Саной Морн.

Ида ушла за хлебом. Сана умывалась у кувшина и видела в зеркале чужое, распухшее, честное. В дверь постучали не их стуком. Она открыла, потому что прятать глаза за деревом было уже поздно: он стоял в коридоре и видел.

Илан держал свёрток в чёрной ткани и смотрел мимо, как смотрят воспитанные люди, когда застают чужое горе врасплох. Получалось плохо. Взгляд всё равно возвращался к её ресницам.

— Я ненадолго. Дом Таль отдаёт младшим траурные ленты и ткань на рукав, если своим не хватило. Тебе полагается больше, чем лента. Морн потеряли старшую линию вместе с королевой. Это не дальний колокол. Это ваши. Я подумал, тебе некому привезти чёрное из имения, раз тётка не ездит. Вот. Можно не благодарить. Можно выгнать. Я оба варианта переживу, только не говори, что тебе всё равно.

Сана взялась за косяк. В горле опять стояло то, что ночью уже вышло, и оно не спрашивало разрешения при Илане.

— Мне не всё равно. Мне их не хватает так, что я ночью не знала, куда деть руки. Но траур от Таля я не возьму. Не потому что я гордая. Потому что если я возьму ваше чёрное, я буду должна дому, а горе и так моё, его нечем отдать обратно.

Голос сорвался на «не хватает». Она отвернулась к кувшину и всё равно было видно. Илан не вошёл. Это единственное, что он сделал правильно.

— Я не дом сегодня. Я человек, который видит, что тебе плохо, и тащит ткань, потому что не умеет иначе. Можешь оставить свёрток за дверью. Я зайду к вечеру и заберу, если он будет лежать. Если не будет, я не приду спрашивать, надела ли ты.

— Илан.

— Я подожду. Не в коридоре. Вообще. Пока ты сама не решишь, что помощь не делает тебя меньше. Вчера ты сказала не стоять рядом. Я не стою. Я только принёс и сейчас уйду, потому что ты плачешь, а я не хочу, чтобы ты потом ненавидела меня за то, что я это видел.

Он положил свёрток на порог, не на руки ей. Сана смотрела на ткань и не могла сказать «забери сейчас», потому что плакала уже открыто, тихо, зло на себя.

— Уходи. Пожалуйста. И не рассказывай в шеренге, какое у меня было лицо. Это не для Таля и не для Вар.

— Не расскажу. Клянусь не домом. Собой. Я подожду, Сана. Это не долг. Это я пока не умею не ждать.

Он ушёл. Шаги были осторожные, как у человека, который боится, что его позовут обратно, и боится, что не позовут. Сана закрыла дверь, села на пол у порога и плакала уже не только по матери и отцу. Ещё от стыда, что чужой видел, и от злости, что стыд пришёл так быстро после честной ночи. Свёрток она не открыла. И за дверь не выставила. Он лежал между.

Ида вернулась с тёплой коркой и застала её там.

— Кто?

— Илан. Принёс чёрное. Сказал, Морн потеряли старшую линию, мне можно горевать. Я его прогнала и не прогнала. Он решил, что я гордая. Пусть. Гордость ему понятнее, чем то, что у меня на самом деле кончились мама и отец.

Ида села рядом, отломила корку и сунула Сане правую, не подгоревшую сторону.

— Ешь. Плакать натощак противно, я проверяла. Свёрток задвинь под кровать. Не надевай. И не отдавай при нём, а то он опять сделает из этого ожидание. А лицо… лицо пусть сегодня будет живое. Я рядом скажу, что у тебя голова. Это почти правда. Голова у тебя болит от них.

Сана ела и плакала крошками. За окном ударили полдневный колокол по королю и королеве, один удар и второй. Колокол был низкий, двор под ним замолкал, и даже Несса не стала бы читать письмо в такую минуту. Сана прижала корку ко рту и сказала в неё, так тихо, что слова остались между хлебом и ладонью.

— Эдмар. Альна. Я здесь. Я скучаю. Я не приду.

Ида слышала только «скучаю» и «не приду». Имён колокол не отдал. Она посмотрела на Сану долго и ничего не спросила. Подвинула воду и осталась сидеть, пока удары не кончились и пока Сана сама не вытерла лицо уже сухим краем рукава. Маска к полудню легла обратно, криво, с красными веками. Ночь она не отменила. Сана помнила, что плакала, и не стала называть это слабостью. Родители этого стоили.

Глава 7

Утром Ида не пришла на завтрак.

Сана заметила это ещё до того, как села за стол. Обычно Ида занимала место у стены, оставляла ей хлеб и успевала поругаться с кем-нибудь из-за слишком жидкой каши. Сегодня скамья пустовала. На столе стояла нетронутая миска, а рядом лежала сложенная вчетверо салфетка.

Сана взяла хлеб, подумала и положила обратно.

Ночью ей удалось поспать почти без сновидений. Утром глаза всё ещё были припухшими, но впервые за несколько дней она не испытывала желания спрятаться от собственного отражения. Вчера Ида видела её плачущей, и мир после этого не рухнул. Даже Илан, который явился совсем некстати, сумел уйти, не потребовав объяснений.

Теперь Иды не было, и это беспокоило сильнее, чем следовало бы.

— Сель ищешь?

Эйтан Рош остановился возле стола с кувшином в руке. Сана подняла голову.

— А ты её потерял?

— Я? Нет. В отличие от некоторых, умею следить за тем, кто куда ходит.

— Тогда скажи, где она.

Эйтан усмехнулся.

— У речных ворот. С самого рассвета. Ждёт матушкину телегу, хотя столичные перекрыли половину дорог. Упрямая у вас дружба. Одна ждёт то, что не приедет, другая делает вид, что ничего не происходит.

— Спасибо за сведения.

— Обращайся. Только учти, в следующий раз они могут оказаться платными.

Сана встала, забрала со стола два куска хлеба и направилась к выходу.

— Морн, — окликнул он.

Она остановилась.

— Ты сегодня хотя бы похожа на живую. Вчера, говорят, совсем плохо было.

Сана обернулась. Эйтан смотрел внимательно, с той неприятной заинтересованностью, какую проявляют к чужому письму, случайно оказавшемуся незапечатанным.

— Тебе кто-то рассказывал?

— В академии стены тонкие.

— А языки длинные.

Он рассмеялся, вполне искренне.

— Вот теперь узнаю.

Сана вышла прежде, чем разговор получил продолжение.

Снаружи моросил мелкий дождь. Каменные дорожки блестели, из водостоков текла мутная вода, а возле конюшен двое младших студентов пытались заставить упрямую лошадь пройти через лужу. Лошадь считала, что лужа глубже, чем выглядит, и отказывалась проверять.

У речных ворот толпились люди. С начала траура сюда каждый день приходили студенты, ожидавшие писем и домашних экипажей. У ворот теперь стояли два столичных солдата, присланных после убийства короля и королевы. Они проверяли бумаги и пропускали обозы по одному.

Ида ждала возле каменной стены.

Она сидела на низком парапете, обхватив колени руками. Волосы выбились из косы, нижний край платья намок. На коленях лежала раскрытая тетрадь, но Ида не читала. Она смотрела на дорогу.

— Если ты собираешься просидеть здесь весь день, хотя бы возьми плащ, — сказала Сана.

Ида вздрогнула.

— Я думала, ты ещё спишь.

— У меня есть неприятная привычка просыпаться к завтраку.

— Редкая добродетель.

Сана протянула хлеб. Ида посмотрела на него, потом взяла один кусок.

— Спасибо.

Некоторое время они сидели молча. Сана не торопилась спрашивать. Вчера Ида просидела рядом с ней несколько часов, не потребовав ни одного ответа. Сегодня можно было вернуть ей хотя бы это.

— Она должна была приехать утром, — сказала Ида наконец.

— Твоя мать?

— Да.

Сана нахмурилась.

— Но ты же получила письмо. Она написала, что отложила поездку.

— Отложила. А потом передумала.

Ида достала из тетради короткий лист.

— Вчера вечером пришло сообщение от нашего управляющего. Мать на рассвете выехала к Каменному мосту. Там задержали две наши телеги с мукой. Она решила сама разобраться с караулом, а потом приехать сюда, если дорогу откроют.

— Почему она тебе не написала?

— Потому что знала, что я начну ругаться. — Ида невесело улыбнулась. — И потому что считает: если она сказала один раз, что всё будет хорошо, можно больше ничего не объяснять.

Сана взяла лист. Управляющий писал сухо, перечисляя телеги, лошадей, сопровождающих и время выезда. В конце стояла приписка: госпожа Сель намерена прибыть в Ильт к утру следующего дня.

— От Каменного моста до города меньше половины дня, — сказала Ида. — Даже если ехать медленно. А уже второй звонок.

— Могли задержать на заставе.

— Могли. Только зачем? Её телеги идут не в столицу. Они развозят зерно по нижним селениям.

— Караул проверяет всех.

— Проверить можно за час. За два. Не за целую ночь.

Сана не нашла, что ответить.

В памяти возникло письмо Тарна. Дороги я закрою сегодня.

Тогда она восприняла эти слова как заботу. Он хотел, чтобы она не сорвалась в Альсер, не появилась там, где её могли узнать. Хотел удержать убийц в столице. Теперь те же слова стояли между Идой и её матерью.

Ида заметила, куда она смотрит.

— Опять скажешь, что генерал всё сделал правильно?

— Я ещё ничего не сказала.

— Но думаешь.

— Думаю, что тебе нужно узнать, где твоя мать. И желательно до того, как мы обе промокнем.

— Какая ты сегодня разумная.

— Вчера была не очень. Приходится навёрстывать.

Ида посмотрела на неё и неожиданно улыбнулась.

— Пойдём к почтовому столу? Вдруг письмо уже есть.

Они поднялись одновременно.

Письма раскладывали в низком помещении рядом с воротами. Дежурный писарь сидел за окном с решёткой и раздражённо объяснял какому-то студенту, что отсутствие письма не является поводом переворачивать все мешки.

Когда очередь дошла до Иды, он даже не поднял головы.

— Фамилия?

— Сель. Ида Сель.

Перо замерло.

— Вы уже спрашивали.

— Теперь спрашиваю ещё раз.

— Письма нет.

— А дорожные сообщения?

— Это не почта.

— Хорошо. Тогда где узнать, какие экипажи задержаны на Каменном мосту?

Писарь отложил перо.

— У караула.

— А караул говорит идти к вам.

— Значит, вам не повезло.

Сана положила ладонь на стойку.

— Должен быть список прибывших экипажей. Давайте хотя бы посмотрим, приходила ли карета дома Сель.

Писарь наконец поднял глаза.

— Морн, верно?

— Верно.

— Я не обязан показывать вам списки.

— Я не прошу показывать. Я прошу проверить одну запись.

Он посмотрел на Иду. Затем на очередь, которая успела собраться позади них, и вздохнул.

— Карета дома Сель сегодня не проходила. Вчера тоже. Довольны?

— Нет, — сказала Ида.

— Тогда ничем помочь не могу.

Они отошли от окна. Ида с такой силой закрыла тетрадь, что один из солдат обернулся.

— Прекрасно. Мать неизвестно где, письма нет, кареты нет. Зато все отлично знают, куда меня послать.

— Есть ещё конюшни, — напомнила Сана. — Возницы иногда узнают новости раньше писарей.

— Ты правда думаешь, что там кто-нибудь…

Ида осеклась.

Со стороны дороги послышался стук копыт.

В ворота въезжала телега с промокшим парусиновым верхом. За ней шёл небольшой дорожный экипаж. На дверце темнел знакомый герб: колесо с шестью спицами и узкая серебряная полоса над ним.

Ида бросилась вперёд.

— Мама!

Сана успела увидеть, как изменилось её лицо. Усталость исчезла, тревога отступила. На несколько секунд Ида снова стала той девушкой, которая вчера рассказывала про пироги и жаловалась, что мать наверняка привезёт слишком много.

Потом экипаж остановился.

Дверцу никто не открыл.

На козлах сидел пожилой возница в сером дорожном плаще. Седые усы намокли, руки крепко держали поводья. Он узнал Иду, и лицо у него сделалось таким, что Сана сразу поняла: произошло что-то плохое.

— Госпожа Ида.

— Где мама?

Возница снял шапку.

— Я думал, она уже здесь.

Ида остановилась в двух шагах от него.

— Что?

— Госпожа велела мне возвращаться. Сказала, сама доберётся.

— Откуда доберётся?

— От Каменного моста.

Сана подошла ближе.

— Расскажите по порядку.

Возница посмотрел на неё, потом снова на Иду.

— Мы выехали вчера на рассвете, как было сказано. У моста стоял караул. Солдаты не местные, столичные. Наши телеги они пропустили не сразу, всё проверяли. Госпожа вышла поговорить с начальником. У неё бумаги были, разрешения, книги с печатями. Я ждал у обочины.

— И?

— Потом к ней подошёл ещё один. В длинном плаще, без шлема. Они поговорили. Госпожа вернулась и велела мне ехать обратно.

— Почему?

— Сказала, что задержится. Что ей нужно уладить вопрос и тогда уже в Ильт. Я хотел остаться, но она велела уводить лошадей. Там у моста тесно, обозы стоят, кормить негде.

— Ты оставил её одну?

В голосе Иды прозвучало такое изумление, что возница опустил глаза.

— Не одну, госпожа. Там солдаты были. И её люди возле телег. Я думал, они проводят.

— Какие люди?

— Двое из наших. С передней телеги.

— Где они сейчас?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Телеги тоже ещё не вернулись.

На несколько мгновений Ида замолчала.

— Почему ты приехал только сейчас?

— Домой вернулся к ночи. Управляющий отправил обратно к мосту утром, потому что госпожа не появилась. Меня там снова остановили. Сказали, никого не задерживали, никого не видели. Тогда я поехал прямо сюда. Думал, она добралась другой дорогой.

Ида посмотрела в сторону ворот.

— Значит, её никто не видел с вечера?

— С обеда вчерашнего дня, госпожа.

— А ты только сейчас об этом рассказываешь?

Возница сжал шапку.

— Я не знал, что она не приехала.

Сана взяла Иду за локоть. Та дёрнулась, собираясь вырваться, но потом осталась стоять.

— Как выглядел человек, с которым говорила госпожа Сель? — спросила Сана.

— Высокий. В столичном плаще. Лицо не запомнил.

— Знаки отличия были?

— На груди. Серебряная застёжка с гербом.

— Каким?

— Ренн. Королевский лев.

Ида медленно повернулась к Сане.

Та ещё не успела отпустить её руку.

— Вот, — сказала Ида. — Вот тебе и проверка документов.

Сана почувствовала, как холодеет живот.

Герб Реннов носили сотни людей. Во дворце, на заставах, в гарнизонах. Человек в таком плаще не обязательно получал приказы прямо от Тарна. Возможно, генерал вообще не знал, что происходит на Каменном мосту.

Но сейчас объяснять это Иде было бесполезно.

— Пойдём, — сказала Сана.

— Куда?

— В канцелярию академии. Нужно сообщить, что твоя мать не вернулась, и попросить официальный запрос на заставу.

— Я сама туда пойду.

— Тогда я с тобой.

— Не надо меня сопровождать, как маленькую.

— Хорошо. Пойду рядом, как взрослая.

Ида открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

— Ты невыносима.

— Знаю.

Они оставили возницу у ворот, наказав ему никуда не уезжать, пока с ним не поговорят ещё раз.

Канцелярия располагалась в восточном корпусе академии. К полудню коридор перед ней наполнился студентами, которые требовали разрешений на выезд, справок для семей и подтверждений, что занятия не отменят до осени.

Внутри сидели три клерка. Двое работали, третий спорил с высоким молодым человеком из дома Вар, уверявшим, что его отец имеет право прислать охрану прямо в учебное крыло.

Ида подошла к свободному столу.

— Мне нужно подать сообщение о пропавшем человеке.

Клерк поднял голову.

— Имя?

— Госпожа Мейра Сель.

— Родство?

— Моя мать.

— Когда пропала?

— Вчера после полудня. Последний раз её видели на Каменном мосту, возле военного караула.

Клерк взял чистый лист.

— Дорожное происшествие?

— Я не знаю, какое происшествие. Она не приехала, её люди не вернулись, а солдаты отрицают, что её видели.

— Понимаю.

Он записал имя, дату и название дома. Потом потянулся за другой бумагой.

— Мы передадим сведения городскому начальнику стражи.

— Когда?

— После вечерней сверки.

— А сегодня?

— Сегодня после вечерней сверки.

Ида медленно выпрямилась.

— Вы меня не поняли. Моя мать пропала. Я прошу отправить людей к мосту.

— Академия не распоряжается дорожным караулом.

— Тогда отправьте туда письмо.

— Мы передадим сведения…

— После вечерней сверки, — закончила Ида. — Да, я слышала.

Сана вмешалась раньше, чем подруга успела сказать что-нибудь, за что их обеих выставили бы из канцелярии.

— Госпожа Сель принадлежит к дому, отвечающему за дороги. Она могла находиться на мосту по делам своего дома. Возможно, стоит передать сообщение ректору. Он сможет запросить сведения у караула официально.

Клерк впервые посмотрел на Сану с интересом.

— Вы из какого дома?

— Морн.

Интерес исчез.

— Ректор не занимается дорожными задержками.

— А исчезновениями родителей студентов?

На этот раз он задумался.

— Подождите здесь.

Он встал, забрал лист и ушёл через боковую дверь.

Ида опустилась на скамью.

— Если он сейчас вернётся и скажет ждать до вечера, я кого-нибудь укушу.

— Не кусай. Нас тогда задержат раньше, чем найдут твою мать.

— Ты сегодня очень любишь шутить.

Сана села рядом.

— Не особенно. Просто не знаю, чем ещё помочь.

Ида посмотрела на неё. Злость немного отступила, оставив усталость.

— Прости. Я понимаю, что ты пытаешься.

— Не извиняйся.

Они просидели почти четверть часа. За окном прошёл короткий дождь, начался новый, а студенты в коридоре сменились другими. Где-то далеко ударил колокол общей практики.

Сана подумала, что мастер Лин опять внесёт ей замечание. Потом решила, что сегодня сможет с ним жить.

Клерк вернулся вместе с незнакомой женщиной в тёмно-синем платье.

— Ректор ознакомился с сообщением, — сказала она. — Будет отправлен запрос на Каменный мост и отдельный лист начальнику городской стражи. Если госпожа Сель задержана на заставе, её местонахождение установят.

Ида поднялась.

— А если не задержана?

Женщина помедлила.

— Тогда потребуется официальный розыск.

— Значит, мы уже можем его потребовать.

— Пока нет подтверждения, что произошло преступление.

— Она исчезла!

— Госпожа Сель, я понимаю ваше беспокойство. Но мы должны действовать по порядку.

Ида сжала кулаки. Порезанный палец, который ещё недавно болел от любой неловкости, побелел под повязкой.

Сана взяла её за здоровую руку.

— Запрос сегодня отправят?

— Сегодня.

— Хорошо. Мы будем ждать ответа.

Женщина кивнула и ушла.

Ида дождалась, пока дверь закроется.

— Ты серьёзно?

— Что?

— Будем ждать?

— До ответа. А пока можем выяснить, кто именно стоял на мосту.

— И как?

Сана посмотрела на окно, за которым виднелась дорога к речным воротам.

— Начнём с людей, которые туда ездили.

К обеду они выяснили немного.

С Каменного моста за последние два дня вернулись три обозных экипажа. Один пропустили после проверки, второй заставили ждать до утра, третий развернули, потому что у возницы не оказалось дорожного разрешения.

О госпоже Сель никто ничего не слышал.

Одна торговка уверяла, что видела у моста знатную женщину в сером дорожном платье. Другой возница говорил, что никаких женщин там не было, зато ночью к караулу прибыл закрытый экипаж без гербов. Его пустили на мост без осмотра.

Сана записывала всё в тетрадь Иды, хотя половина рассказов противоречила другой половине.

— А вы точно видели этот экипаж? — спросила она последнего возницу.

— Точно. Он передо мной проехал.

— Когда?

— Уже стемнело.

— Откуда ехал?

— Со стороны столицы.

— И куда направился?

— Через мост. А там дорога одна, пока у старой мельницы не разделится.

Сана знала эту дорогу. Через мельницу можно было выйти либо на Ильт, либо к нижним селениям. Если ехать ночью, чужой экипаж легко терялся среди деревьев.

— Людей внутри видели?

— Нет. Шторы закрыты были.

— А сопровождение?

— Двое верховых.

— В военной форме?

Возница почесал затылок.

— Не разглядел. Темно уже.

Ида стояла рядом, сжав губы.

Когда они вышли на улицу, она отобрала у Саны тетрадь.

— Хватит.

— Что?

— Записывать. Спрашивать. Делать вид, что мы можем найти мать, если обойдём каждого торговца в городе.

— Ида…

— Я хочу знать, где она!

Голос прозвучал громче, чем Ида собиралась. Несколько прохожих обернулись.

Сана осторожно коснулась её плеча.

— Я тоже хочу.

— Нет, Сана. Не хочешь. Ты хочешь доказать, что генерал ни при чём.

Сана отступила на полшага.

— Это неправда.

— Ты защищаешь его с первого дня! В зале, перед Нессой, передо мной. Теперь люди с его гербом задержали мою мать, и ты опять ищешь объяснение, почему он не виноват.

— Я ищу твою мать.

— Тогда скажи хоть раз, что он мог знать!

Сана почувствовала, как напряглась рука под рукавом.

Она могла представить Тарна в кабинете: тот сидел за столом, не сняв сапог, и пытался разобраться в убийстве брата. Могла представить его злым, усталым, не спавшим несколько ночей. Он закрыл дороги, потому что считал это необходимым.

Но представить его человеком, который велел увезти мать Иды, не могла.

— Я не знаю, что ему докладывают, — произнесла она.

— Значит, мог знать.

— Ида, ты сейчас требуешь от меня ответа, которого у меня нет.

— Зато уверенности у тебя хватает.

Это было справедливо. И оттого больнее.

Сана опустила взгляд на камни мостовой. Ещё вчера она говорила Иде о родителях, не называя их имён, и позволила подруге остаться рядом. Сегодня той требовалось такое же доверие, только Сана не могла предложить даже половины правды.

— Послушай, — сказала она. — Я не собираюсь убеждать тебя, что всё хорошо. Твоя мать исчезла. Последний раз её видели возле караула, и это серьёзно. Я понимаю, почему ты боишься.

— Я не боюсь.

— Боишься. Имеешь право. Я бы тоже боялась.

Ида отвернулась.

— Ты не понимаешь.

Сана помолчала.

— Возможно, не так, как ты. Но я знаю, что такое ждать человека, который не приходит.

Ида посмотрела на неё. Наверное, вспомнила вчерашнюю ночь, письмо, мокрый рукав и слова, которые Сана позволила себе произнести.

Лицо её изменилось.

— Прости. Я не хотела…

— Не надо.

— Нет, дай договорить. Ты вчера…

— Я знаю, что было вчера.

Ида опустила голову.

— Мне страшно, — призналась она наконец. — Если мама просто задержалась, почему не прислала письмо? Она всегда присылает. Даже когда опаздывает на час. Может написать три страницы о том, что у лошади заболела нога. А теперь ничего. И этот возница… Он так на меня смотрел.

Сана почувствовала, как к собственному горю прибавляется чужое. Не менее настоящее и от этого особенно тяжёлое.

— Мы найдём, что произошло, — сказала она.

— Обещаешь?

Она хотела ответить сразу. И не смогла.

Вчера отец и мать ещё могли бы быть живыми, если бы кто-нибудь вовремя заметил убийцу. Сегодня Сана знала цену обещаниям, которые произносят только ради того, чтобы другому стало легче.

— Обещаю, что не оставлю тебя искать одну.

Ида кивнула.

Этого оказалось достаточно.

На вечерней практике Ида не могла удержать огонь.

Он то поднимался слишком высоко, то гас прежде, чем мастер успевал досчитать до двадцати. На третий раз она обожгла край чаши и выругалась так громко, что несколько студентов обернулись.

— Сель! — рявкнул мастер Лин. — Вам пальца мало? Решили всю руку оставить в зале?

— Извините.

— Когда будете готовы заниматься, подходите. Сегодня идите вон.

Ида погасила огонь и отошла к стене.

Сана хотела последовать за ней, но мастер указал палкой на её чашу.

— Морн, вас никто не отпускал.

Она задержалась.

— Мастер, у Иды…

— Я знаю, что у Сель мать не вернулась. Половина академии уже знает. Но если вы обе сейчас побежите по дороге и начнёте искать её в каждом кусте, до следующего звонка вас самих придётся разыскивать. Считайте.

Сана поставила ладонь над чашей.

Огонь появился слабый, грязно-жёлтый. Она намеренно пустила сажу. Сегодня даже не пришлось особенно стараться: мысли постоянно возвращались к Каменному мосту.

Она вспоминала письмо Тарна.

Он не указал, какие дороги закроет, на какой срок и кого будут задерживать. В Альсере это наверняка знали. Здесь, в Ильте, люди получали только обрывки приказов.

Мог ли кто-то воспользоваться закрытием дорог?

Конечно.

Мог ли человек в столичном плаще приказать чужому караулу пропустить экипаж без проверки?

Даже легче, чем обычному путешественнику.

Сана стиснула пальцы. Огонь на мгновение стал белым. Она сразу задавила его до сажи.

— Морн!

— Виновата.

Мастер Лин посмотрел на испорченную чашу.

— Поразительно, сколько у вас сил уходит на то, чтобы ничего не получилось. Закончили. Идите к Сель, пока она мне ещё одну лавку не прожгла взглядом.

Сана поблагодарила его и вышла.

В коридоре, возле лестницы, Ида разговаривала с Иланом Талем.

— Я могу попросить отца, — говорил он. — Наши обозы проходят через Каменный мост. Если там что-то случилось, кто-нибудь из людей Таль должен знать.

— Мне не нужна милость твоего отца.

— Я предлагаю не милость. Я предлагаю спросить.

— Ты никогда ничего просто не предлагаешь, Илан.

— Это ты сейчас несправедлива.

Сана подошла прежде, чем разговор превратился в ссору.

— Что случилось?

Илан обернулся.

— Сана. Я слышал про госпожу Сель. Хотел помочь.

— Мы уже подали запрос.

— Запрос будут рассматривать, пока человек не вернётся сам или не окажется, что искать поздно. Мой отец может узнать быстрее.

Ида побледнела.

— Не говори так.

Илан сразу понял, что сказал лишнее.

— Прости. Я не это имел в виду.

Сана посмотрела на него внимательнее.

— Если ты можешь узнать, какие обозы проходили мост вчера после полудня, сделай это.

Он удивился.

— Ты просишь?

— Да.

— Для Сель?

— Для Иды. И для её матери.

Он перевёл взгляд на Иду. Та с усилием кивнула.

— Хорошо, — сказал Илан. — Я напишу сегодня же.

— Только не делай из этого долга, — добавила Сана.

Илан вздохнул.

— Я начинаю думать, что это слово надо запретить в твоём присутствии.

— Отличное предложение.

Он улыбнулся, но улыбка быстро сошла.

— Если придёт ответ, я сразу скажу. Обеим.

И ушёл, не дожидаясь благодарности.

Ида посмотрела ему вслед.

— Кажется, он действительно хотел помочь.

— Иногда даже Таль может сделать что-то без расчёта.

— Ты ужасно к нему относишься.

— Он переживёт.

— А ты?

Сана нахмурилась.

— Что я?

— Переживёшь, если однажды кто-нибудь поможет тебе без разрешения?

Сана не ответила.

Ида взяла её под руку.

— Ладно. Сегодня не буду воспитывать. Мне самой бы кто-нибудь объяснил, как не сойти с ума до утра.

Они пошли в сторону жилого корпуса.

К вечеру дождь закончился.

В комнате Саны пахло остывшим чаем и влажной тканью. На пустой кровати лежала тетрадь Иды, раскрытая на странице с записями о Каменном мосту. Ида успела трижды перечитать их и ни разу не нашла ничего нового.

Сана стояла у окна.

Свёрток Илана с траурной тканью всё ещё лежал возле кровати. Она собиралась убрать его, но сегодня он казался совсем не важным. Родителей нельзя было вернуть, даже если обвязать чёрным весь Ильт.

— Как думаешь, она могла просто уехать обратно? — спросила Ида.

— Могла.

— Не сказав мне?

— Если возникло что-то срочное.

— Тогда почему возница не знает?

Сана обернулась.

— Ида, мы уже говорили об этом.

— Знаю.

Подруга закрыла тетрадь.

— Мама всегда говорила, что дороги нужно помнить лучше, чем людей. Люди могут соврать, а дорога всё равно приводит туда, куда её проложили.

— Хорошо звучит.

— Она часто это повторяла, когда я жаловалась, что учу скучное семейное дело. А теперь я даже не могу понять, по какой дороге она уехала.

Сана села рядом.

— Завтра получим ответ из канцелярии. Илан тоже напишет своим. У нас будет больше сведений.

— А если нет?

Сана посмотрела на неё.

— Тогда начнём искать иначе.

Ида несколько секунд молчала.

— Ты ведь действительно веришь, что регент не виноват?

Вопрос прозвучал спокойно. Без прежней злости.

— Верю.

— Даже сейчас?

— Да.

— Почему?

Сана провела пальцем по краю тетради. В голове снова возник Тарн, стоявший у дверного косяка в детской. Его голос, строгий и тёплый. Мокрый плащ, сапоги, которые мать велела снять. Человек, который учил её не бояться тихих вещей и никогда не обещал, что мир будет справедливым.

Он мог быть жестоким на войне. Мог отдавать приказы, после которых люди не возвращались. Он был генералом, а не добрым героем из книжек, которыми Лирен зачитывалась в детстве.

Но убийцей собственного брата он не был.

И тем более не стал бы намеренно вредить девушке, которую его племянница называла подругой, даже если пока не знал об этой дружбе.

— Потому что не все люди становятся другими, когда получают власть, — сказала Сана.

Ида посмотрела на неё.

— Ты говоришь так, будто хорошо его знаешь.

Сана почувствовала, как внутри всё оборвалось.

Она слишком многое позволила себе за эти дни. Сначала одно слово в зале, потом уверенность перед Идой. Теперь эта фраза.

— Я говорю, что не хочу обвинять человека без доказательств.

— Но ведь и доказательств его невиновности у тебя нет.

— Нет таких, которые я могла бы тебе показать.

Ида вздохнула.

— Иногда ты говоришь совершенно невозможные вещи.

— Знаю.

— Ладно. Тогда договоримся так. Я не стану обвинять его при всех, пока не узнаю, что случилось с мамой. Но если выяснится, что его люди её увезли…

— Мы выясним, кто отдал приказ.

— И что ты сделаешь?

Сана посмотрела на неё прямо.

— Помогу тебе добиться ответа.

Ида кивнула.

Затем встала и подошла к двери.

— Я пойду к себе. Если придёт письмо…

— Позову.

— Даже если ночью?

— Даже если ночью.

Ида задержалась на пороге.

— И ты тоже позови, если опять станет плохо. Не обязательно ждать, пока я услышу через стену.

Сана невольно улыбнулась.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Сана осталась одна.

Она подошла к окну, отодвинула ящик семейной щели и проверила дно. Пусто. Тарн не писал после первого известия.

Она не могла просто отправить ему вопрос. Если щель попадёт под наблюдение, кто-нибудь узнает, что у далёкой родственницы Морн есть прямая связь с регентом. Тогда всё, ради чего родители прятали её год, окажется под угрозой.

Но впервые Сана пожалела, что не может поговорить с дядей.

Она хотела спросить, что творится на его дорогах. Знает ли он про Каменный мост. Почему солдаты в его плащах задерживают людей, которые не собираются в столицу.

А ещё хотела сказать, что ей не хватает мамы и отца, что она вчера плакала при чужих и теперь не понимает, как снова стать той Саной, которой ничего не нужно.

Тарн, наверное, сказал бы что-нибудь грубоватое и совершенно неподходящее. Предложил бы поставить часового у двери, чтобы никто не видел её заплаканной. Или прислал бы новый ящик, если старый недостаточно хорошо скрывает письма.

Она почти услышала его голос и на секунду улыбнулась.

Потом улыбка исчезла.

В дверь постучали.

Не Идиным стуком.

Сана закрыла ящик и обернулась.

— Кто?

— Из канцелярии. Сообщение для госпожи Сель. Сказали, она у вас бывает.

Сана открыла дверь.

На пороге стоял молодой клерк с мокрыми волосами. Он протянул запечатанный лист.

— Ответ на дневной запрос. Ректор велел передать немедленно.

— Почему не самой Сель?

— В её комнате никого нет. Дежурная сказала, что она у вас.

Сана взяла письмо.

— Я передам.

Клерк ушёл. Она закрыла дверь и некоторое время смотрела на бумагу.

На печати стоял знак дорожного ведомства.

Письмо было адресовано Иде, и вскрывать его Сана не имела права.

Она вышла в коридор.

Ида нашлась в своей комнате. Сидела на кровати, обхватив кружку обеими руками, и даже не заметила, что чай давно остыл.

— Пришёл ответ, — сказала Сана.

Ида поставила кружку так быстро, что чай выплеснулся на покрывало.

— Дай.

Она сорвала печать.

Письмо оказалось коротким. Ида прочитала его раз, потом второй. Губы у неё медленно побелели.

— Что там? — спросила Сана.

Ида протянула лист.

«По сведениям дорожного караула Каменного моста, госпожа Мейра Сель в числе задержанных лиц не значится. Экипаж дома Сель действительно проходил проверку вчера после полудня. После проверки экипаж был отпущен. Сведений о дальнейшем передвижении госпожи Сель ведомство не имеет».

Ниже стояла подпись начальника заставы.

И ещё одна строка, добавленная другим почерком:

«Проверка производилась согласно распоряжению регента Тарна Ренна о временном ограничении движения».

Сана перечитала письмо.

Здесь не говорилось, что мать Иды арестовали. Не говорилось, что её увезли солдаты. Формально караул вообще не признавал, что она оставалась у моста после отъезда своего экипажа.

Но возница видел обратное.

И если он не лгал, кто-то сейчас намеренно скрывал, где находилась госпожа Сель после проверки.

— Ну? — тихо спросила Ида.

Сана подняла глаза.

— Что?

— Ты по-прежнему уверена?

Она не уточнила в чём.

Сана сложила письмо.

— В том, что Тарн не убивал короля и королеву, — да.

Ида резко выдохнула.

— Сана, моя мать…

— Я знаю.

— Нет. Ты опять…

— Ида, послушай меня. Я не утверждаю, что на мосту ничего не случилось. Я говорю, что письмо не отвечает ни на один наш вопрос. Нам нужно узнать, кто был начальником караула вчера, кто разговаривал с твоей матерью и почему её люди не вернулись.

Ида несколько секунд смотрела на неё, затем медленно села.

— Ты правда думаешь, что мы сможем это выяснить?

Сана вспомнила архив академии, списки допуска, Нессу, которая могла потерять бумагу, если та мешала её дому, и Эйтана, который умел знать всё о людях, не задавая вопросов.

В академии хранились списки студентов и их семей. Роэн Кель уже получил сообщение об исчезновении матери Иды. У дома Таль были свои обозы на дорогах. У самой Иды оставались знакомые возницы.

Это было немного.

Но больше, чем ничего.

— Думаю, придётся, — сказала Сана.

Ида кивнула, всё ещё глядя на письмо.

— Тогда завтра пойдём в канцелярию снова.

— Пойдём.

— И если они нас опять выставят…

— Придумаем что-нибудь другое.

Ида попыталась улыбнуться.

— Например?

— Пока не знаю. Но у меня есть целая ночь.

Сана забрала у неё пустую кружку и поставила на стол. Потом села рядом.

Они долго молчали. За окном шумел ночной Ильт, и где-то в нижнем городе разгружали позднюю телегу. Сана прислушивалась к каждому стуку колёс, хотя знала, что мать Иды не появится оттого, что они обе будут ждать достаточно сильно.

На коленях у Иды лежало письмо с гербом дорожного ведомства.

Внизу чернело имя Тарна.

Сана знала этот почерк лучше, чем любой другой: строгие, чуть наклонённые буквы, которыми дядя подписывал приказы ещё тогда, когда королём был её отец.

Но распоряжения регента и исчезновение госпожи Сель пока связывала только дорога.

А дорога, как любила говорить мать Иды, всегда куда-нибудь приводила.

Теперь им предстояло выяснить куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.